

ПОЛИНА МАТЫЦЫНА

**МАЛЕНЬКАЯ ГВИНЕТ
В СТРАННОМ ДОМЕ**

Полина Матыцына
**Маленькая Гвинет
в странном доме**

«Снежный Ком»

2020

Матыцына П. А.

Маленькая Гвинет в странном доме / П. А. Матыцына —
«Снежный Ком», 2020

ISBN 978-5-6043755-3-2

Девочка Гвинет получила странный подарок: ей дают возможность овладеть магией огромной силы и войти в сообщество могущественных волшебников. Какие возможности! Сколько соблазнов! Приключения без счета! Но у всего есть обратная сторона... Магия столь сильно толкается с любовью, что Гвинет однажды придется ответить на вопрос: что ей нужнее?

ISBN 978-5-6043755-3-2

© Матыцына П. А., 2020

© Снежный Ком, 2020

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Полина Матыцына

Маленькая Гвинет в странном доме

Глава 1

Дом магии

Больше всего на свете Гвинет мечтала уехать из этого паршивого городишки. И дело было даже не в её любимых книгах, где героини, переехав, обязательно находили свою судьбу и множество приключений. Просто Гвинет терпеть не могла родной городок, где никогда не происходило ничего интересного. Здесь царила давящая провинциальная скука, и девочка намеревалась полжизни отдать, но любым способом уехать в нормальный большой город, где кипит жизнь.

К тому же, может в более крупном городе отец нашёл бы кого – то получше... *этой*, с её занудно правильной дочуркой. Гвинет даже не могла решить, кто раздражает её больше: новая жена отца – нормальная, в общем – то, тётка! – или эта морализаторша Кэтрин.

Новая сестра бесила девочку, хотя Гвинет даже не могла понять, чем именно. Это чувство невольно отражалось на отношении Гвинет к мачехе. Люсинда вполне хорошо относилась к падчерице, не надоедала ей чрезмерной опекой и даже иногда выгораживала перед отцом. Но вот Кэтрин, эта зануда со скромно опущенными глазками...

Когда отец женился год назад, Гвинет была даже рада. Он стал более... живым и из унылого вдовца, живущего только памятью по давно усопшей супруге, превратился в цветущего мужчину. Заслуга в этом принадлежала исключительно Люсинде, и Гвинет в душе искренне благодарила её. Но вместе с Люсиндой в доме появилась и её дочь.

Первое время девочки искренне пытались поладить. Они понимали: впереди у них ещё много лет совместного проживания, и худой мир лучше ссоры. Но постепенно поняли – огонь и вода всегда будут врагами, и сделали все, чтобы избегать общества друг друга.

Ах, уехать бы куда-нибудь подальше. И зажить припеваючи среди модных магазинов, кафе, наполненных вкусняшками, кинотеатров и просто толп людей, не замечающих друг друга.

В дверь позвонили. Гвинет невольно прикинула: вечер, уже все в сборе, подружки сидят по домам... наверное, какой-нибудь агент по продажам суперпылесосов или косметики. Косметику ей покупает Люсинда, хотя и не одобряет этого, так что звонок можно проигнорировать.

Внизу что-то разбилось. Послышались громкие голоса: кажется, отец на кого-то кричал, требуя «убратся вон». Гвинет невольно заинтересовалась. Уж не настолько отец не любил всяких там агентов по продажам, чтобы вот так вот злиться.

Девочка вышла из комнаты и увидела стоящую на лестнице Кэтрин.

– Кто там, Кэт?

– Какие-то дамы. Почему твой отец кричит на них? Это же невежливо!

В этом – вся Кэт. Вежливость, правила поведения, соблюдение приличий... Она даже брюки старается не надевать, не говоря уж о коротких юбках или шортах: это же неприлично! Да середина двадцать первого века на дворе, о каких приличиях можно говорить?

Отодвинув сестру, Гвинет перевесилась через перила. Отца тем временем теснили вглубь дома две дамы в темных костюмах и шляпках.

Шляпках? Гвинет невольно хихикнула. Вот Кэтрин бы с ними точно поладила. Хорошо, что ей, Гвинет, не жить с этими старомодными клушами.

Внезапно одна из женщин, повыше ростом, ударила зонтом-тростью по полу. По дому прокатился гулкой звон. Стало тихо.

– Где Гвинет, Майкл? – пронзительным, почти визгливым голосом сказала высокая дама.
– Её нет дома. И для вас и не будет.

Гвинет отметила краем глаза, как Кэтрин неодобрительно покачала головой. В её представлении о мире ложь была смертным грехом. Но спорить с отчимом и показывать пальцем на сестру, стоящую рядом, Кэт не стала.

Что нужно от Гвинет этим тёткам? И почему отец настроен так... недоброжелательно?

– Ты лжёшь, Майкл. Девочка здесь.

– Вам её не видать. Уберите, пока я не вызвал полицию!

– А что ты скажешь полиции? Мы её родственницы, и имеем полное право повидать племянницу.

– Нет у вас такого права! Вы прогнали Гермину, изгнали её из семьи, и у вас нет прав на её дочь!

Отец, человек тихий и незаметный, кричал так, что у Гвинет зазвенело в ушах. Гермину... её мама... Что эти тётки знают о ней? Отец почти ничего не рассказывал, а в памяти осталось так мало, почти ничего, ведь Гвинет шёл всего лишь третий год, когда мамы не стало...

Очнулась она от того, что Кэтрин сильно тряхнула её за плечи.

– Гвинет! Гвинет! – шёпотом повторяла она. – Тебе туда нельзя!

– Куда? Что? – не поняла девочка.

– У тебя глаза стали такие... стеклянные. И ты пошла к ним... – Кэтрин выглядела испуганной.

Гвинет тряхнула головой, прогоняя наваждение.

– Все в порядке, – так же шёпотом сказала она, но тут же разозлилась: – А почему мне туда нельзя? Раскомандовалась тут!

– Но твой отец...

И тут по дому снова прокатился гулкой звон. Кэтрин застыла, словно её заморозили, замерев в неудобной позе. Растерявшись, Гвинет потрогала её руку пальцем – та не шелохнулась.

– Кэт? Кэт!

– Добрый вечер, Гвинет, – дама повыше церемонно поднималась по лестнице. Следом за ней, почти шаг в шаг, семенила вторая. Когда они успели пройти холл и почему отец им не помешал?

– Что вы сделали? Кто вы такие?

– Мы – твои тётки, – сказала вторая дама, маленького роста, худенькая настолько, что казалась статуэткой, а не человеком. Голосок у неё оказался тоненький, но приятный. – Мы...

– Гиацинта! – визгливо скомандовала высокая. Маленькая послушно замолчала. Вместо неё продолжила старшая.

– Мы – сестры твоей матери. Тебе не место здесь, с этими людьми, Гвинет. Мы пришли забрать тебя.

– Что-то вы не торопились.

– Твой отец хорошо спрятал тебя, – сказала высокая дама. – Но он нас недооценил, да, недооценил! Собери самое необходимое, Гвинет. Мы уходим немедленно.

– Минуточку! – возмутилась Гвинет. Она ненавидела, когда ей указывали. – Не командуйте тут! Это раз. А два – никуда я не пойду!

Она развернулась и зашагала к своей комнате. И тут сообразила: отец и Кэт! Им нужно, наверное, как-то помочь... Что с ними сделали эти тётки?

Но прежде, чем Гвинет успела что-то сказать или сделать, раздался чуть слышный щелчок. Снова послышался голос отца, зашевелилась, растерянно оглядываясь по сторонам,

Кэтрин, выглянула из кухни Люсинда... дом зажил обычной жизнью. Только вот сейчас в центре его стояли две странные дамы.

– Вон из моего дома! – подбежал к ним отец.

– Мы никуда не уйдём без Гвинет, – взвизгнула высокая.

– Я её с вами не отпущу!

– А я никуда с вами и не пойду! – крикнула девочка. Она не понимала, что происходит, но ситуация ей не нравилась. Откуда внезапно взялись эти... родственницы самозванные?

– Тихо! – проорал кто-то. На секунду действительно стало тихо. Все посмотрели на Люсинду, сжимавшую в руках половник – именно ей и принадлежал крик.

– Как я понимаю, вы сестры Гермioniны, – сказала она. – Майкл, они действительно имеют право повидать Гвинет. Только повидать, все же она им родня. Проходите в гостиную, дамы. Гвинет, Кэтрин, подадите в гостиную чай. Майкл, успокойся. Никто никого не заберёт, мы люди цивилизованные и вполне можем обсудить проблему. Девочки, вы ещё не на кухне? Дамы, не знаю ваших имён, пройдите в гостиную. Она на первом этаже.

Слово «на первом» Люсинда подчеркнула голосом, так что обе дамы медленно, словно нехотя, стали спускаться. Снова впереди важно шла высокая, а маленькая семенила следом, как будто пытаясь спрятаться за её спиной. Гвинет и Кэтрин обогнали их и промчались в кухню.

Под строгим взглядом Люсинды разговаривать не хотелось. Девочки молча приготовили все необходимое и прошли в гостиную, где за большим столом уже сидели отец и обе женщины.

Сёстры накрыли на стол в гнетущей тишине. Из кухни пришла Люсинда со сладостями.

– Гвинет, ты поздоровалась с тётями? – спросила она. Гвинет помотала головой.

– Это невежливо, – в такие моменты девочка понимала, в кого Кэтрин пошла своей занудливостью.

– Здравствуйте, тётушки, – скорчив гримасу, послушно сказала Гвинет.

– Можешь называть меня тётя Гиацинта, – встрепенулась маленькая. – Гвинет, я...

– Гиацинта! – оборвала её старшая. Вернее, попыталась – та, не в силах сдержать эмоций, все же продолжила: – так рада, мы наконец-то нашли тебя! Это было нелегко, признаюсь, мы даже начали терять надежду...

– Гиацинта! Помолчи.

На этот раз тётя, бросив на старшую растерянный взгляд, послушно замолчала.

– Зачем вы меня искали? – заинтересовалась Гвинет.

– Как, Гвинет. Ты дочь Гермioniны, и значит – член нашей семьи! – визгливо возмутилась высокая дама.

– Моя семья тут, – в этот момент Гвинет включила туда даже зануду Кэт.

– Нет, – отрубил та. – Твоё место не здесь, с этими... людьми. Ты должна находиться там, где предписывает твоё положение в обществе.

Положение в обществе? Она что, принцесса?

Этот вопрос и задала Гвинет.

– Не совсем, – смутилась тётя Гиацинта. – Видишь ли, дорогая...

– Кажется, она НИЧЕГО не знает, Майкл, – перебила её вторая тётя. – Как это понимать?

– Так и понимать, – огрызнулся отец. – Её место здесь. А не в вашем гадюшнике.

Глаза дамы гневно сверкнули. Из них вырвались две небольших ярких искры, прожжённые в скатерти две аккуратные дырочки.

– Не забывайся, Майкл, – холодно сказала она.

Отец встал.

– Вы хотели повидать Гвинет, – сказал он. – Повидали. Теперь уходите.

– Мы не уйдём без неё.

Гвинет наконец-то начала соображать. Кажется, вся эта ситуация плохо сказалась на её мозгах. Эти странные тётки предлагают ей главное – уехать отсюда! Уехать из надоевшего до зубной боли городка и больше не сталкиваться с Кэтрин!

– Папа, а может быть, мне все же стоит навестить тётю Гиацинту и тётю... э – э – э—...

– Гвендолен, – слова тётки прозвучали так, словно она делала величайшее одолжение.

– Тётю Гвендолен. Ненадолго, недельки на две?

– Ты не понимаешь, Гвинет, – отец внезапно осунулся и постарел. – Они никогда не отпустят тебя. Гермиона... Она сбежала чудом.

– Это ты не понимаешь, Майкл, – сказала Гвендолен. – Мы пришли добром. Я согласна... на испытательный срок. Если в течение месяца Гвинет не передумает, она может вернуться домой. Но если ты откажешься отпустить её добровольно... Мы ведь можем обратиться в суд. Что ты выберешь: видеть её каждый год на каникулы или полностью лишиться прав на дочь?

– Эй, – возмутилась Люсинда, – он отличный отец! Вы не можете лишить его прав!

– Они – могут, – отец тяжело вздохнул. – Гвинет. Решай сама. Ты уже взрослая девочка.

Уехать. Уехать из опротивевшего городишки. Может быть, тётки живут в большом городе... и у Гвинет появится куча подруг в новой школе... И может, в неё даже влюбятся...

Но отец! Он так переживает. Гвинет и не думала, что так дорога ему. Но у него ведь останется Кэтрин, верно? Да и Люсинда ещё молода, вполне может родить ему парочку ребятишек. И потом, она же уезжает не навсегда, а на месяц. И если даже уедет совсем, то сможет приезжать на каникулы...

– Пап... я бы съездила. Лето только началось, а мы ведь нигде не бываем. Можно, я погошу немножко?

«А заодно – побольше узнаю о маме». Этого Гвинет говорить не стала.

– Я вернусь через месяц! Обещаю! Ну пап, у нас ведь нет других родных, а совсем не общаться с ними нехорошо.

– Собирайся, Гвинет, – вздохнул отец.

– А разве мы поедем не утром? – удивилась Гвинет. – Ночь скоро, всё-таки.

– Не волнуйся, – улыбнулась тётя Гиацинта, – нам не придётся долго ехать. Собери самое необходимое, все остальное мы тебе купим.

На сборы ушло около часа. Все это время Люсинда пыталась развлечь Гиацинту и Гвендолен разговором. Как заметила Гвинет, маленькая тётушка была не прочь поболтать, но её то и дело одёргивала сестра, все больше напоминая девочке какую-нибудь директрису из книжки.

Наконец небольшой чемодан на колёсиках оказался собран. Неловко попрощавшись с отцом, мачехой и Кэтрин, Гвинет подошла к стоящим у двери тётушкам.

– Идём, – холодно произнесла Гвендолен первой и скрылась за дверь.

– Ты следующая, – улыбнулась девочке Гиацинта.

Гвинет пересекла порог и замерла. Она находилась вовсе не на хорошо знакомой улице. Это вообще была не улица! Девочка стояла в длинном тёмном коридоре с высоким сводчатым потолком, освещённым... газовые фонари? Здесь что, нет электричества?

– Не стой столбом! – взвизгнула тётя Гвендолен. – Ты не даёшь пройти Гиацинте.

Гвинет торопливо отбежала в сторону. Что за глупости она думает про электричество! Гораздо важнее – как и куда она попала. Это же не магия? Или... магия?

За спиной девочки хлопнула дверь и вошла тётя Гиацинта. Аккуратно повесив на длинную вешалку свой зонтик, она приветливо улыбнулась Гвинет:

– Добро пожаловать, милая.

– Добро пожаловать – куда?

– Домой, Гвинет. Это место – твой настоящий дом. Альфред. Альфред!!!

От визгливого голоса тётки Гвендолен зазвенело в ушах. Тем временем откуда – то из глубины коридора появился мужчина – видимо, тот самый «Альфред».

– С возвращением, госпожа, – он низко поклонился. – Добро пожаловать, юная госпожа. Кто «юная госпожа»? Она, Гвинет? Что за абсурд! Они не в девятнадцатом веке!

Но прежде, чем Гвинет успела сказать хотя бы слово, Альфред, плавно скользнув вперёд, вынул из её рук чемодан.

– Сесили проведёт вас в вашу комнату, юная госпожа, – Альфред указал рукой на невысокую полную девушку с рыжеватыми кудряшками. Черноволосая Гвинет невольно восхитилась, ведь она всегда хотела быть рыжей. Откуда Сесили появилась, девочка не заметила, впрочем, дверей в коридоре оказалось много. Даже, пожалуй, слишком много – Гвинет насчитала двенадцать, и это без парадной.

– Не считай ворон, – приказала тётка Гвендолен, заметив растерянность девочки. – Сесили ждёт.

Действительно, Сесили уже стояла около одной из дверей – и когда только она успела переместиться?

– Но мои вещи... – попробовала запротестовать Гвинет.

– Их доставят. А сейчас – ступай, – тётка величественно помахала кистью, словно отпуская прислугу. – Не задерживай окружающих, Гвинет.

Девочке захотелось домой. Но все здесь интриговало и притягивало, а любопытство было едва ли не главной её чертой.

«Сбегу через пару неделек», – решила Гвинет и вошла следом за Сесили в тяжёлую резную дверь. За ней оказался ещё один коридор с высокими сводами. Но здесь под потолком имелись небольшие круглые окна, через которые лился солнечный свет.

– Ваш дядя, господин Мэрик, ждёт вас, юная госпожа, – не оборачиваясь, сказала... горничная? Да, наверное, решила Гвинет. – Вы предпочтёте сначала посетить его или посмотрите свои комнаты?

Комнаты? Их что, несколько? – едва не вырвалось у Гвинет, но она сумела ничего не сказать. Несколько так несколько, нечего изображать провинциалку, попавшую в большой город. Дядя Мэрик... это ещё кто? И почему тётки ничего о нем не сказали?

Гвинет окинула себя взглядом: джинсы, футболка, кроссовки – все вполне новое и чистое. Пожалуй, можно и показаться перед «грозными глазами». Интересно, а кто ещё есть в их семье?

Но спрашивать она не стала. Не хотела показаться перед горничной глупой необразованной девицей, не знающей даже сколько у неё родственников.

– Я бы посетила дядю, – сладким голосом сказала Гвинет. – Не хотелось бы заставлять его ждать слишком долго.

«А откуда он узнал, что я уже здесь?» – подумала она, сворачивая следом за Сесили в левый коридор. «И какого же размера этот домик?!»

Дом, похоже, действительно был огромным. В их городке такого и не имелось.

Поворот направо, налево, лестница наверх, большой зал, снова пара поворотов... У Гвинет начала кружиться голова. Но Сесили не останавливалась, продолжая идти к одной ей ведомой цели. И вот они очутились перед дверью, украшенной резным изображением грифона.

Сесили постучала. Дождалась звона колокольчика и, распахнув дверь, провозгласила:

– Госпожа Гвинет Вальденс!

Вообще-то, фамилию Гвинет носила совершенно другую, и потому, перешагивая невысокий порожек, невольно бросила на горничную изумлённый взгляд. И это не осталось незамеченным.

– Да-да, ты именно Вальденс! – прокричал пронзительным тенорком полный, если не сказать – толстый, мужчина лет пятидесяти, сидящий у окна в огромном бордовом кресле.

Самыми примечательными во внешности дядюшки оказались блестящая в свете солнца розовая лысина, мохнатые толстые брови и такие же мохнатые усы. Зелёный гляцевитый свитер и черные брюки, расшитые золотистыми нитками, сверкали не хуже лысины, маленький нос прятался в пухлых щёчках, и впечатление дядя Мэрик производил... блистательное. – Именно Вальденс, а не «кто-то там». Значит ты, дочка нашей милой Гермiony? Очень, очень рад тебя видеть!

– Свентон, помолчи, – приказал кто-то. – Гвинет. Не стой на пороге.

Вздрогнув от этого неожиданного голоса, Гвинет сделала пару неловких шагов вперёд и только теперь обнаружила в комнате ещё одного мужчину. Так же очень полный, но в тёмно-синем строгом костюме, который оживлял лишь галстук в белую полоску, так же усатый и бровастый, вместо лысины он имел длинный хвост темных волос. Его черты лица не были столь расплывшимися, как у Свентона, и хотя с первого взгляда становилось ясно: эти двое – родственники, – он казался даже по-своему красивым.

Мужчина стоял у шкафа с книгами и пристально смотрел на Гвинет. Ей невольно захотелось присесть в реверансе – знать бы ещё, как он делается!

– Гвинет Вальденс, – повторил он. – Рад, что у Гермiony хватило ума соблюсти традицию. Что же... – он скрестил пальцы на животе. – Можешь идти, Гвинет. Будь добра появиться на ужин в более пристойном виде. Девушки нашего Дома не носят *это*.

– Что не так? – возмутилась Гвинет, но Сесили уже выдернула её за дверь, захлопнувшуюся с негромким стуком. – Сам у Диора одевайся, если деньги позволяют... Да не тащи ты меня!

Гвинет давно так никто не оскорблял. Отец зарабатывал немного, им только хватало на жизнь, и от того девочке давно пришлось проститься с мечтой о дорогой одежде. Но почти все в школе одевались одинаково, и Гвинет постепенно смирилась. Вот станет она зарабатывать и будет покупать классную, дорогую одежду. Но унижать её лишь потому, что у неё не хватает денег на дизайнеров? Плевать, дядя ей этот высокомерный тип или нет, она его слушать не будет! Нарочно достанет к ужину мини – платье, купленное специально, чтобы позлить ханжу Кэтрин. Заодно и платице выгуляет.

Они шли и шли, и злость, кипевшая в Гвинет, постепенно стала угасать, сменяясь любопытством. Дом определённо стоило изучить поближе. Главное, чтобы при этом поблизости не мешалась семейка.

Двое дядюшек и две тётки. Даже не считая умершую маму, немаленькая у них семья! А если ещё есть всякие там кузены... Только вот что-то не хочется ни с кем знакомиться. И обе тётки, и второй дядюшка произвели на девочку не лучшее впечатление. Первый-то дядя вроде ничего, добродушный, и рад её видеть... Интересно, кто из них Мэрик? Хорошо бы тот, сверкающий. Второй ей совсем не понравился.

«Может, папа был прав, когда не хотел меня отпускать? – мелькнула непрошенная мысль. – Он-то, наверное, знает их лучше...»

Но тут же эта мысль оказалась изгнана. Гвинет не желала признавать правоту отца. Ни в каких ситуациях. Ей здесь интересно, и она здесь останется, хоть на месяц, хоть навсегда!

– Ваши комнаты, – Сесили с поклоном толкнула дверь, на которой красовался вырезанный и раскрашенный цветок пиона. – Раньше они принадлежали госпоже Гермione. Чувствуйте себя как дома. Ужин в восемь. Я приду за вами. Если понадобится, позвоните в колокольчик. Одежда в шкафах.

С этими словами Сесили исчезла в тенях, заполнявших коридор.

С трудом сдержав испуганный оклик – ей совсем не хотелось оставаться одной, даже в маминых покоях! – Гвинет шагнула в просторную сине – зелёную комнату.

Это оказалась гостиная. Справа находились спальня и ванная комната, слева – гардеробная и что – то вроде совмещённой учебно – игровой комнаты. В каждом помещении висели часы. Сейчас стрелки показывали четверть восьмого.

Гвинет растерянно взяла в руки одну из многочисленных фарфоровых кукол. Кого здесь не было, так это Барби – только тряпичные и фарфоровые куклы. Интересно, какая из них любимица мамы?

Поставив куклу на место, девочка прошла в ванную – отчего – то сильно хотелось вымыть руки. А когда она вышла, около двери в коридор стоял её чемодан, которому она обрадовалась, как родному. Сейчас он казался ей единственной связью с домом.

Гвинет принялась доставать и раскладывать вещи, изо всех сил обживая холодящую нервы комнату. Девочку прервал стук в дверь.

– Да! – недовольно крикнула Гвинет: ей не хотелось никого видеть.

– Вас ожидают на ужин. Вы ещё не переоделись? – в голосе Сесили прозвучал настоящий ужас.

– Зачем? Нормальная одежда, – пожала плечами Гвинет.

– Госпожа, в доме все обязаны подчиняться господину Мэрику. А он не приемлет... подобной вольности в одежде. Юная дама не должна носить мужскую и столь открытую одежду.

Сама Сесили одевалась в длинное, наглухо закрытое, серое платье с белым фартуком.

– Вот пусть и не носит. А я сама решаю, как мне одеваться, – дерзко сказала девочка.

– Вас накажут, – мягко предупредила горничная.

– Лишат сладкого?

– Запрут в подвале. Там много... холодных неуютных мест, особенно ночью. Если позволите совет, юная госпожа, хотя бы первое впечатление стоит произвести достойно.

Гвинет хотела огрызнуться, но здравый смысл взял верх. Не стоит с первого же дня восстанавливать и дядю Мэрика – наверное, всё же, это тот бука, – и суровых тётушек против себя. Да и реакция второго дядюшки тоже пока неизвестна. Обрадоваться-то он ей обрадовался, но кто его знает. Зачем дразнить гусей? Стоит проявить немного практичности и притвориться паинькой. Благо, пример Кэтрин не забывается.

– Хорошо, – сдалась она. – Помоги, что тут выбрать? У меня же нет своей одежды положенного фасона!

Обрядив Гвинет в строгое голубое платье невесть какой моды, Сесили помчалась почти бегом. Опозданий строгий дядюшка Мэрик тоже не любил.

«Интересно, любит ли он хоть что-нибудь», – сердито пыхла, мчась за Сесили, Гвинет. Узкое платье и туфельки на каблук страшно мешали. – «Ну просто, ради разнообразия»?

Перед очередной двустворчатой дверью, на этот раз доходившей почти до потолка, Сесили резко остановилась. Оглядела Гвинет, поправила её растрепавшиеся от бега волосы, забавно сморщила нос, выдохнула и распахнула одну створку.

– Прошу.

Гвинет с невольной, несвойственной ей, робостью прошла в огромный зал, где за столом сидела куча народу. Сесили незаметно проскользнула вперёд – и как ей только удаётся так непримечательно двигаться? – и встала у края стола, пододвинув один из стульев. Видимо, он предназначался Гвинет.

Ужин проходил в тишине. Незнакомые девочке люди беседовали между собой так тихо, что гула почти не было слышно. Гвинет смогла опознать только дядю Мэрика, восседавшего во главе стола, Свентона в его блёстках, приветливо помахававшего ей рукой, и обеих тёток – Гвендолен и Гиацинту. Но кроме них за столом сидели ещё несколько человек разного возраста. Гвинет старательно посчитала их, пытаясь не подавать виду. Затем попробовала ещё раз, надеясь, что ошиблась. Но число оставалось прежним. За столом, помимо неё сидело двенадцать человек. Она – тринадцатая!

Вспомнились двери в парадном холле – их тоже тринадцать. Похоже, в этом доме испытывают странную привязанность к этому неприятному числу.

Гвинет постаралась успокоиться. Поверье о тринадцати за столом – всего лишь поверье. Лучше рассмотреть всех поближе, пока есть возможность.

По правую руку от дяди Мэрика сидела высокая старуха в ярко – красной кофте. В белых от краски, не от времени, волосах сверкали огоньки – наверное, Сваровски, решила Гвинет. Не могут же это быть настоящие бриллианты! Слева от дяди сидел юноша лет восемнадцати, полный и черноволосый. На круглом лице застыло хмурое недовольное выражение. Справа от юноши сидели Гвендолен и Гиацинта, обе переодевшиеся в светло – розовое, напротив них – Свентон и симпатичная моложавая дама в зелёном платье, с пышными светлыми кудрями. Она даже бросила пару раз одобряющий взгляд на Гвинет, видимо, пытаясь поддержать девочку. Также напротив Гвинет, с правой от дяди стороны стола, находились два мальчика: ровесник Гвинет, очень похожий на Свентона, только без лысины и усов, и рыжеватый худенький малыш лет пяти. Между мальчиками рассматривала Гвинет удивительно красивая девушка, похожая чем – то на Мэрилин Монро, с крупной родинкой над губой и длинной золотистой косой. Напротив них располагались толстушка лет девяти – десяти и сосед Гвинет – светловолосый парень лет шестнадцати.

Гвинет попыталась начать разговор с соседом, спросив его имя, но он только глянул на неё исподлобья. А затем фыркнул, подняв дыханием длинную чёлку, почти закрывающую глаза, и уткнулся в тарелку. А малыш напротив как – то не располагал к беседе, да и не хотелось кричать через широкий стол.

Наконец тягостный ужин в новой семье закончился. Встав из – за стола, Гвинет устремилась было к выходу, но её остановил резкий окрик дяди Мэрика:

– Гвинет Вальденс!

– Да, дядя? – Гвинет кипела от злости. Что ему от неё нужно? Так, притворяемся Кэтрин. Очень хорошо притворяемся Кэтрин: глазки опущены, руки скромно сложены...

– Я полагаю, тебя стоит представить Семье, – последнее слово прозвучало так, словно его произнесли с большой буквы. – Можешь пройти с нами в гостиную.

– Спасибо, – чего стоило Гвинет произнести это слово! Тоже ей, одолжение сделали!

Следом за всеми девочка прошла в соседнюю комнату. Зелёные обои казались бархатными в свете заходящего солнца, и от этого комната выглядела тёплой и уютной. Повсюду глубокие серые кресла, на диване небрежно брошены пледы для холодной погоды... Гвинет захотелось здесь поселиться.

Это чувство не продлилось долго. Все семейство расположилось в креслах и принялось изучать оставшуюся стоять – для неё места не хватило – Гвинет, словно диковинную зверушку.

– Итак, – нарушил затянувшееся молчание дядя Мэрик, – дамы и господа, перед нами дитя нашей блудной дочери, Гермियोны. Гвинет Вальденс. Гвинет. Я рад, что благоразумие возобладало, и ты решила вернуться в Семью. А теперь...

– Я так рада, так рада! – зашебетала моложавая дама в зелёном, поправляя кудряшки. – Теперь Габриэле будет с кем играть...

– Мама! – перебила её, схватившись за голову, маленькая толстушка. – Она же старая. Не будет она со мной играть.

Так, толстенькую малышку зовут Габриэлой.

– Ах, милая, – снова зашебетала дама, – я уверена, у Гвинет не столь чёрствое сердце, как у Генриетты. Верно, милочка?

Поскольку Гвинет не поняла – обращаются к ней или к Генриетте (методом исключения это оказалась красивая ровесница Гвинет, похожая на Монро), то решила промолчать. Генриетта тоже не сказала ни слова. Но даме это не мешало, она продолжила щебетать, как прекрасно будет, когда все три девочки станут подругами.

Неизвестно, сколько бы длился монолог дамы в зелёном, если бы не тётя Гвендолен. Она стукнула по полу зонтом – тростью – зачем он ей в помещении, удивилась Гвинет, – и воцарилась тишина.

– Помолчи, Анна, – сказала тетя Гвендолен. – Твоя болтовня утомляет. Гвинет, познакомься со своей бабушкой, Грейс.

Чопорная старуха в красной кофте и чёрной цыганской юбке, густо намазанная косметикой, грозно взглянула на Гвинет. Та невольно поёжилась.

– Это, – продолжила тётя Гвендолен, указывая на болтушку, – Анна, жена твоего двоюродного дяди Свентона.

– Это я! – помахал из кресла Свентон, улыбаясь так, что свет отразился от его золотого зуба.

– Габриэла – их дочь, – на слова тёти Гвендолен малышка скривилась и показала Гвинет язык. – Я все вижу, Габриэла. Джейсон – их сын.

Джейсоном оказался сидевший рядом с Гиацинтой паренёк, так похожий на отца – Свентона. Как и отец, он приветливо помахал Гвинет рукой.

– Мой сын Саймон, – на этот раз заговорил дядя Мэрик. В его голосе прозвучала гордость, когда он указывал на юношу восемнадцати лет. – Моя гордость и наследник нашего рода.

– Очень приятно, – соврала Гвинет. Ей уже хотелось домой.

– К сожалению, твоя двоюродная тётя Грета покинула нас прошлой весной, – поджав губы, скорбно произнесла тётя Гвендолен. – Её дети остались на наше попечение. Генриетта, – красавица кивнула, – Вильям, – сосед Гвинет по столу отвернулся, – и Леон.

Леон, малыш, сидевший за ужином напротив Гвинет, широко улыбнулся кузине.

– Очень приятно, – снова соврала Гвинет.

– Итак, – дядя Мэрик встал и, сцепив руки на животе, принялся ходить взад-вперёд, – ты вернулась. Но из – за непростительного неблагоразумия твоего отца ты оказалась многого лишена. Например, воспитания и знаний. Если первое вещь нужная, то второе, – тут он неодобрительно покачал головой.

Гвинет была уверена: знания вещь тоже нужная, – но решила промолчать. Кажется, изображать паиньку Кэтрин входит в её привычку...

Или Кэт тоже притворяется? – внезапно осенило её. Что, если сестра – вовсе не такая белая и пушистая, как пытается казаться? Хм...

Эту мысль стоило обдумать. И за размышлениями Гвинет как – то потеряла мысль дяди. Она только кивала послушно на его речь и речь тёти Гвендолен, но ничего не слышала.

Наконец речи закончились. К этому моменту в гостиную принесли ещё одно кресло, и Гвинет смогла наконец сесть. А затем произошло нечто ужасное. Её принялись учить вышиванию!

Гвинет терпеть не могла мелкую кропотливую работу. Разве что пазлы собирала. А тут все женщины, кроме тётюшек Гвендолен и Гиацинты (одна уткнулась в молитвенник, а вторая – в бухгалтерскую книгу) принялись за вышивку. И принялись обучать этому делу и Гвинет.

Только малыш Леон играл в уголке с машинками. Остальные лица мужского пола принялись играть в шахматы, шашки и нарды.

«Скукотень! – подумала Гвинет. – Интересно, они знают о существовании телевизора?»

В кровать девочка приплелась совсем измотанная. Болели исколотые пальцы, гудела от непривычной мелкой работы голова. Рухнув в кровать, Гвинет собиралась уснуть без задних ног, но стоило ей переодеться в пижаму и залезть под одеяло, как в комнате что-то засветилось. Источником света оказалась смутная, практически прозрачная, человеческая фигура.

Гвинет взвизгнула. Но тут же сообразила: шуточка кого-то из кузенов. Или Генриетты, красotka ей сразу не понравилась.

– Убирайся! – гневно прокричала она. – Вон из моей комнаты!

– До чего дошла современная молодёжь! – фигура подплыла ближе, и Гвинет с лёгкой паникой поняла – кажется, перед нею действительно привидение. Настоящее!

– Заканчивайте ваш розыгрыш, – почти пролепетала она. – Я все равно не боюсь.

– Не боишься? Это похвальное качество. Хотя сложно представить без него дитя Гермiony.

– Вы знали маму? – Гвинет невольно приподнялась в кровати. – Да вы вообще кто?

– Альберт Вальденс, – с поклоном представилось привидение. – Твой... секунду... двоюродный дедушка. Или троюродный? Ох уж эти родственные связи...

– Здравствуйте, дедушка. Вы супруг бабушки Грейс?

– Упаси Боже! – привидение отшатнулось. – Я её брат. И, признаюсь, этого оказалось достаточно, чтобы она изрядно попилила мне нервы. А уж Мартина, своего муженька, она быстро свела в могилу... Но об этом стоит поговорить позже. Гвинет, я очень любил твою мать. Она была единственным нормальным человеком в нашей семье – не считая, конечно, моей усопшей супруги. Гвинет, ты – единственная наследница магической силы Грейс. От сестрицы магию унаследовала только Гермiona, у племяншек нет детей, а сын Мэрика – это сын Мэрика, там своя магия. Гвинет, запомни: тебе нельзя её отдавать, свою силу. Они будут обманывать, улещивать, заманивать... Помни: сила – это часть тебя. Отдашь её, потеряешь часть души. Никому не верь в этом доме, Гвинет. Никому. Даже мне. Они будут твердить: «ради семьи». Запомни: Вальденсы никогда не были семьёй. Будут шанс – беги отсюда, Гвинет. Твои родители столько лет прятали тебя... Не разрушай их усилия. Беги, Гвинет. Как только сможешь – беги.

Под эту речь Гвинет провалилась в сон. Привидение привидением, но день выдался насыщенным, и потом, оно ей снится. Он просто рано уснула. И ей все приснилось.

С мыслью о странном сне она и проснулась. В дверь уже стучали, этот звук послужил будильником. Впустив Сесили, Гвинет стала собираться к завтраку. Первому завтраку в новой семье.

В утреннем свете люди, собравшиеся за столом, казались ненастоящими. Словно за столом собрались механические куклы, почти совершенные, очень похожие на живых, но все же оставшиеся мёртвыми механизмами. Гвинет едва не запела от радости, когда тягостный завтрак закончился и ей велели пройти в свою комнату – позаниматься. Учебники должны были ждать её на столе в отведённой для занятий комнате.

Сесили провела Гвинет в её покои, указала на стол, заваленный книгами, и исчезла быстрее, чем девочка успела сказать хотя бы слово.

Посмотрев на учебники – десять толстых книг и несколько не менее толстых тетрадей, – Гвинет стала недоумевать. Какие занятия летом, когда даже в самых суровых школах каникулы? Не будет она заниматься в такой чудесный день, а пойдёт погуляет. Или хотя бы изучит дом. Да, пожалуй, именно этим и стоит заняться в первую очередь, иначе все отведённое время ей придётся провести в своих комнатах, ведь проводник в лице Сесили не будет помогать ей все время.

С этой мыслью Гвинет отправилась в странствие по дому. Её целью стало отыскать столовую, гостиную и выход из дома. Сидеть взаперти она не желала.

Но дом упорно отказывался ей подчиняться. Даже если Гвинет поворачивала обратно, коридоры, комнаты и залы оказывались совсем иными, не такими, как те, которые девочка проходила прежде. Где – то спустя час Гвинет оказалась вынуждена признать: она заблудилась. Заблудилась в самом обыкновенном доме!

Пришлось идти наугад, надеясь найти хоть кого-нибудь. Двенадцать человек семьи, неизвестно сколько слуг – где-то же должны они все находиться. Столько народу не может потеряться даже в таком огромном доме.

В глубине души Гвинет была счастлива. Она всегда мечтала о чем – то подобном. Тайны, приключения, возможно даже магия, – все это манило Гвинет. И теперь она словно сама стала героиней восхитительной, пусть пока и скучноватой истории.

Открыв очередную дверь, ведущую в очередной же коридор, Гвинет услышала шум. Что – то жужжало и потрескивало, и девочка не смогла пройти мимо.

В этом коридоре оказалась только одна дверь, и Гвинет, открыв её, очутилась в мастерской. Часовой мастерской, в центре которой, почти под потолком, восседал в кресле сверкающий в свете ламп дядя Свентон.

Сколько здесь было часов! Гвинет, пожалуй, не смогла бы их сосчитать и за неделю. Словно заворожённая, девочка шагнула в комнату, разглядывая часы за часами.

Внезапно они начали бить. Не все, только одни, высокие напольные, украшенные золотистыми фигурками дам и кавалеров, спрятанных за стеклом. Но гулкий звон заставил Гвинет отшатнуться, а дядю Свентона – обнаружить присутствие племянницы.

– А, племяшка! – прокричал он, и цепи, удерживавшие кресло под потолком, стали с лёгким звоном разматываться, опуская его на пол. – Добро пожаловать, добро пожаловать. Ты любишь часы, Гвинет?

– Не знаю, – растерялась девочка. – Но ваши часы красивые. Вы их коллекционируете?

– Ничего подобного! Я их создаю. Ну и чиню, периодически. Вот эти, например, спешат на четыре минуты шестнадцать секунд! – он ткнул пальцем в пробившие часы. – И их надо починить. Хочешь посмотреть, да, Гвинет?

Гвинет не хотела. Она предпочла бы рассмотреть все часы – многие из них выглядели очень необычно, – но решила не обижать дядю.

– Да, я с удовольствием...

– Отлично, – перебил, не дослушав её, дядя Свентон. В руках его возникли непонятные инструменты: Гвинет могла поклясться, что они возникли из воздуха! – и дядюшка взмахом руки располовинил часы. Девочка испуганно ахнула, но часовщик уже возился с механизмом.

Шестерёнки, винтики, снова шестерёнки, снова винтики... У Гвинет все плыло перед глазами, когда дядя, наконец, закончил работу.

– Так – так – так, – он обошёл вокруг часов. – Стоит их проверить, да, Гвинет? Вдруг они не работают? Или работают неправильно?

Он повернул какой-то рычажок... и все вокруг переменялось.

Гвинет стояла на паркетном полу, а вокруг простирались зеркала. Они находились повсюду: сверху, справа, слева, впереди, сзади... И не было ни малейшего признака хоть каких-нибудь часов.

– Дядя Свентон? Дядя Свентон! – в её голосе против воли позвучала паника. Дядя, конечно, выглядел любителем повеселиться, но вряд ли он способен на такой впечатляющий розыгрыш. Значит, произошло что – то непредвиденное. И, возможно, опасное.

Дядя не отозвался. Гвинет находилась в зеркальном зале одна.

Девочка решила не сдаваться. Розыгрыш это или нет, она не будет стоять здесь и ждать, пока с ней что – то случится. Она найдёт выход, чего бы это ей не стоило!

И Гвинет решительно зашагала вперёд, туда, куда глядели глаза.

Она шла, шла и шла, а зал все не кончался. Казалось, он вмещает в себя некую бесконечность. Прошёл, наверное, час – впрочем, часы с руки Гвинет исчезли, хотя она и не заметила, когда это произошло, и приходилось полагаться на внутренние биоритмы, а ничего не менялось. Разноцветные плитки паркета под ногами и зеркала, в которых отражались тысячи Гвинет.

Может быть, стоило пойти в другую сторону. Но, минутку, только сейчас сообразила девочка, она никак не дойдёт до зеркальных стен! Куда бы она ни шла, она должна, обязана

была в какой-то момент дотронуться до одного из зеркал, а там уже и дверь за одним из них нашлась бы. Она же словно стояла все это время на одном месте.

– Дядя Свентон! – прокричала она. – Мне страшно! Заберите меня отсюда, пожалуйста! Тишина.

– Дядя Свентон!!! – на этот раз Гвинет уже не старалась скрыть панику. Где она? Что происходит?

На миг ей в голову пришло решение: разбить зеркало. Но чем? У неё не имелось ничего тяжёлого!

Гвинет бросилась бежать. Только бы дотронуться до зеркал, она бы их разбила – руками, ногами, неважно чем! Только бы достичь этих проклятых, похожих на наваждение, зеркал!

Девочка поскользнулась на намазанном чем-то паркете и упала. По её щекам покатались слезы злости и отчаяния. Что такого плохого она сделала дяде Свентону, почему он запер её в этом странном месте и не приходит на помощь?

Паркет оказался не только скользким, но и занозистым. Пытаясь встать, Гвинет поранила руку длинной тонкой щепкой, всадившей ей в ладонь острую занозу. Пытаясь выковырять деревяшку, Гвинет расцарапала руку до крови.

Девочка приняласьлизывать ранку, но в какой – то момент капелька крови все же скользнула вниз и упала на паркет. Тот словно расплзся, и под ним проявились... шестерёнки? Да, Гвинет теперь могла опознать детали часового механизма чуть ли не с первого взгляда!

Она с силой дёрнула ранку. Кровь капнула на пол, и тот принялся расплзаться, обозначая все больше и больше механических деталей. Выдернув из пола злополучную щепку, Гвинет принялась с яростью расковыривать ранку так, чтобы кровь не останавливалась. Вот разноцветный паркет полностью сменился полом из шестерёнок и винтиков. Кровь заливала их так, что они не могли двигаться. И тут оказалось, что пространство, в котором находится Гвинет, очень мало. Теперь, когда шестерёнки стояли, она едва могла раскрыть руки. Наконец-то она могла достать до зеркал!

Гвинет со всей силы ударила кулаком по стеклу. Зазвенев, оно разбилось, и девочка вывалилась наружу – в гигантскую комнату с огромными, больше неё в десятки раз, часами.

– Хм – хм, – проворчал чей – то голос, больше похожий на гром. – Часы разбились. Это нехорошо. Это очень нехорошо.

– Оставь свои часы в покое! – этот голос явно принадлежал женщине. – Лучше подскажи, что делать! Теперь, когда появилась дочка этой безумной Гермiony, наследство уйдёт из рук Габриэлы!

– Положим, Габи и раньше не могла рассчитывать на него, дорогая. У неё практически нет магии. Как и у Генриетты. Сильная магия была только у Гермiony и теперь, наверное, принадлежит племянке. Хе – хех.

Огромный человек – дядя Свентон??? – шагнул к разбитым часам и принялся возиться с ними.

– Генриетта бездарность! – женщина в зелёном – наверное, тётя Анна, его жена, – нервно принялась ходить по комнате. Гвинет быстро юркнула под огромный стол. Насколько же теперь малы её, Гвинет, размеры? Что с ней произошло? – Свентон. Я не позволю Габриэле остаться ни с чем. Это она наследница Грейс!

– Но она внучка моего папули, а не бабули Грейс.

– Генриетта тоже! Грета была твоей сестрой, а не дочерью Грейс! Гвинет – единственная прямая наследница старухи. Черт, это надо как – то изменить! Свентон! Сделай что-нибудь!

– Уже сделал.

– Свентон?!

– Ты же знаешь, мне всегда нужны новые фигурки для моих часов.

Фигурки для часов? Гвинет стала всего лишь крохотной деталью? Но теперь-то она на свободе... ей нужно лишь вернуть собственные размеры. Только вот как это сделать???

Гвинет съёжилась у ножки стола.

– Фигурка в часах? Это достаточно надёжно?

– До сих пор никто не выбирался, милая. Она обречена вечно украшать... Что? Калейдоскоп разбит! Девчонки здесь нет!

– До сих пор никто не выбирался, да? – в голосе тёти Анны звучал неприкрытый яд. – До сих пор ты не запирал Вальденсов!

– А куда, по – твоему, пропал кузен Эдмон?

– Ты справился с сильнейшим магом рода, но не смог одолеть девчонку?!

– Не кричи! Её необходимо найти. Срочно. Она не могла далеко уйти, не при её – то размерах.

Начались поиски. Гвинет поняла – долго ножка стола укрытием не прослужит. Необходимо найти более надёжное укрытие.

Взгляд её упал на стоящие неподалёку небольшие настольные часы, украшенные танцующими поодиночке дамами и кавалерами. Неожиданно пришло озарение.

Только вот как самой пробраться в эти часы? Она сможет затеряться среди фигурок, это точно, но как затесаться в их компанию?

Гвинет осторожно прокралась к часам, пользуясь тем, что её искали в другой части комнаты. Ударила окровавленным кулаком по стеклу.

По зеркалу пробежала трещинка, и Гвинет подхватил лёгкий вихрь. Мгновение – и она стоит в уже знакомом зеркальном пространстве, а напротив неё разглядывает нежданную гостью незнакомый юноша в старомодной одежде со шпагой на поясе.

– Как ты сюда попала? – ошеломлённо спросил он.

– Важнее, как мы отсюда выберемся, – сказала Гвинет. – Я пришла сюда сама, а не по воле дяди Свентона и намерена всех вас освободить.

– Но Свентон... Как он мог одолеть меня? Я же сильнее! Ты не ошиблась? Хотя, что за глупые вопросы. Тебе нет необходимости мне лгать. Прости, за годы заточения я привык говорить сам с собой.

– А ты, собственно, кто?

– Эдмон Вальденс к вашим услугам, – церемонно поклонился юноша. – Тройродный брат Свентона. Ваше имя?

– Гвинет. Гвинет Вальденс. Я его двоюродная племянница. Не совсем понимаю, чем я ему помешала, но оказалась заперта в часах. Я выбралась чудом!

– Можно ли узнать, что это было за чудо?

Гвинет рассказала и показала пораненную ладонь.

– Кровь семьи, – задумчиво сказал Эдмон. – Я идиот. То, чем накладываются чары, их и разбивает. Если, конечно, снимающий магию сильнее наложившего её, но Свентон никогда не был сильным магом. Как маг-часовщик он не превзойдён, но как просто маг... У нас действительно есть шанс выбраться самим и освободить остальных. Благодарю вас, Гвинет.

– Было бы за что, – отмахнулась польщённая девочка. – Вот выберемся...

Эдмон приложил руку к трещине в стекле.

– Они уходят, – сказал он. – Толстяк и женщина. Сколько же я здесь лет, что Свентон так изменился!

– Ну, ему около пятидесяти, – прикинула Гвинет.

– Мне было семнадцать, когда он заточил меня, Свентон старше на два года... Боже, почти тридцать лет!

– Не грусти, – неловко попыталась утешить его девочка, – зато теперь он толстый и старый, а ты – нет.

– Благодарю, – усмехнулся Эдмон. – О, дверь закрылась! Гвинет, это наш шанс!
И он выхватил шпагу, полоснув ею себя по ладони.

Скоро они уже стояли на полу, а вокруг них растерянно оглядывались два десятка маленьких человечков. Похоже, Эдмон действительно был очень силен – его кровь разрушила не только его каморку, но и весь механизм, освободив всех пленников.

Попросив Гвинет подождать пару минут, Эдмон собрал человечков вокруг себя и рассказал им все, что знал о чарах кузена. Быстро прекратил возмущённые крики и споры, и, воспользовавшись зеркалом, построил портал. Этот проход вёл в любое место по желанию. Невнятным заклинанием юноша вернул всем нормальные размеры и быстренько затолкал всех в портал, отправив по домам. Гвинет только растерянно хлопала глазами, наблюдая, как все улаживается, словно само собой.

– Ну ты даёшь, – с восхищением выдохнула она, когда последний человек скрылся и переход снова стал просто зеркалом.

Эдмон слабо улыбнулся.

– Только я почти полностью выдохся, Гвинет. Чтобы вернуть нам нормальный вид, мне понадобятся все оставшиеся силы. Я не уверен, что смогу сейчас сразиться с кузеном.

– Пойдём в мою комнату, – решила Гвинет. – Там я тебя спрячу. А ты отдохнёшь, и появишься перед семейкой, когда сочтёшь нужным.

– Семейка! – хмыкнул Эдмон. – Не слишком-то это слово нам подходит. Семья – это когда все за одного, а не каждый сам по себе. Идём, Гвинет. Только, секунду, я наложу на часы иллюзию целостности...

Часы приняли нормальный вид, и герои отправились искать комнату Гвинет.

Дом и раньше выглядел огромным, а теперь, когда Гвинет стала крошкой – хотя Эдмон на всякий случай немного увеличил их размеры, – стал поистине гигантским. Девочке очень хотелось оказаться в собственной комнатке, которая теперь казалась воплощением дома и уюта. Но вместо этого они пришли в жёлто-бронзовую пыльную комнату.

– Это моя комната, – сказал Эдмон. – Не думаю, что тебе стоит сейчас встречаться со Свентоном. Мне нужно часа два отдыха, и я сделаю тебя нормальной. Ты же пока придумай, как будешь объяснять своё спасение.

– А может, ты придумаешь? – возмутилась таким переключением работы Гвинет, но Эдмон, рухнувший на диван, уже спал. Девочка промыла под водой в ванной пораненную руку, перевязала ладонь носовым платком, села в кресло и принялась думать.

Как назло, в голову не приходило ничего толкового. Появиться в столовой и сделать вид, будто ничего не произошло? Вряд ли дядюшка настолько доверчив, скорее, он заподозрит каверзу с её стороны, и предпримет какую-нибудь гадость. Значит, этот вариант отпадает. А если придумать вот так... или вот так...

Скоро Гвинет, не отличавшейся особым терпением, надоело думать об одном и том же. Она встала и принялась осматривать комнаты Эдмона. Кем он там ей приходится? Троюродный дядюшка? А жаль – он симпатичный. Не красавец, конечно, но очень, очень обаятельный.

Комнат у Эдмона оказалось, как и у неё, четыре. Гостиная, в которой на диване сейчас и спал Эдмон, спальня, гардеробная, забитая пахнущей пылью и затхлостью одеждой, и библиотека. Гвинет не слишком любила читать, но сейчас делать было нечего, и взяв с полки первую попавшуюся книгу, девочка принялась пробираться сквозь вычурные обороты старинных фраз.

– Гвинет! Где вы? – услышала она в какой – то момент голос Эдмона и с радостью отложила скучную книгу – уже четвертую, но столь же занудную, как и предыдущие, брошенные на первых страницах.

– Я здесь! – крикнула она и вышла из библиотеки.

– Вы придумали подходящее объяснение вашему спасению, Гвинет?

– У меня не слишком хорошее воображение.

– Ладно. Дайте подумать...

Эдмон прикусил указательный палец. Пару минут он молчал, а Гвинет боялась сбить его с мысли.

– Скажем, что это мне удалось разбить наложенные чары, – сказал он наконец. – За столько лет я мог найти способ. А затем я почувствовал сходные свежие чары на ваших часах и смог освободить вас. Пусть гнев Свентона окажется направлен на меня, я знаю способ с ним справиться. Теперь я предупреждён, а значит, вооружён. В любом случае, семье лучше опасаться меня, чем вас – это уберёжёт вас, Гвинет.

– Вряд ли, – вздохнула девочка. – Боюсь, загадочное наследство бабушки Грейс слишком ценно для них.

– В таком случае вам лучше остаться темной лошадкой, – Эдмон бросил взгляд на часы. – Если я правильно помню, сейчас близится время обеда. Позвольте проводить вас, Гвинет?

– Да, – отчаянно закивала головой девочка. – Сама я заблужусь в этом ужасном доме!

– Просто необходимо запомнить несколько правил. Я объясню их вам по дороге.

Эдмон церемонно предложил Гвинет руку. Помедлив, девочка приняла её, и тут юноша заметил повязку.

– Как я стал невнимателен! Снимите повязку, Гвинет, я залечу вашу рану.

– А ты можешь?

– После всего вы ещё сомневаетесь в силе моей магии?

– Да нет...

Гвинет осторожно протянула освобождённую от повязки руку. Эдмон накрыл её ладонью, сказал непонятную абракадабру, и девочка увидела целую и неповреждённую конечность.

– Потрясающе! – выпалила она. – А я тоже так смогу?

– Думаю, да, – кивнул Эдмон. – А теперь – идёмте!

По дороге он действительно объяснил ей несколько секретов дома, так что теперь Гвинет могла не опасаться снова очутиться в мастерской дядюшки Свентона. А скоро они оказались около столовой.

– Юная госпожа! – бросилась к Гвинет возникшая из ниоткуда Сесили, – где вы были? Я везде вас искала!

– Я гуляла, – сообщила Гвинет. – И я же пришла. Пойдёмте в столовую, Сесили.

Одобрительный взгляд Эдмона – кажется, надо продолжать разговаривать в столь же вычурном стиле. Ох, надолго ли её хватит с этой семейкой?

Успокаивающе похлопав её по руке, Эдмон подождал, пока Сесили откроет дверь, и шагнул вперёд, увлекая Гвинет за собой.

– Добрый день, дорогие мои, – провозгласил он. – Вы позволите мне и даме присоединиться к вам?

– Эдмон? – вскочила, едва не опрокинув тарелку, тётя Гиацинта. – Нет, ты его сын, да? Как поживает папа? От него так давно не было вестей...

– Гиацинта! Веди себя прилично! – стукнула по столу тётя Гвендолен. Гиацинта послушно замолкла.

– Не стоит так ревностно реагировать на самозванцев, – дядя Мэрик казался статуей. – Гвинет, кто позволил тебе приводить в дом незнакомцев?

Эдмон прошёл к столу, подвинул стул для Гвинет, предложил ей сесть и только затем сказал что-то непонятное, от чего вспыхнул золотистым светом.

– Эдмон, – побледнев, опустилась на стул тётя Гиацинта. – Но как?

– Вот это нужно спросить у милашки Свентона, – хмыкнул Эдмон, переставая светиться. – Мэрик, не сверли меня таким взглядом, я только что доказал – я это я. Подделка

ауру не способен никто. Кстати, Свентон, что тебе сделала эта милая девочка? Я понимаю, зачем ты запечатал в часы меня, но чем тебе помешала наша очаровательная племянница?

– Свентон? – спросил дядя Мэрик, и взгляды всех присутствующих кроме Анны обратились к резко побледневшему дядюшке. Анна же изучала стол, словно он вот-вот должен ответить на все вопросы мира.

– Гвинет, тебе лучше уйти и забрать с собой детей, – внезапно сказал дядя Мэрик. – Не спорь. Еду вам принесут в малую гостиную. Дети, быстро присоединились к Гвинет. Генриетта, Вильям, вас я тоже попрошу покинуть нас. Магические суды – не для детских глаз.

– Но... – попыталась возразить Гвинет.

– Не спорьте, – видимо, дядя подкрепил свои слова магией. Иначе Гвинет не могла объяснить, почему и она, и Генриетта, и Вильям, и Джейсон с Габриэлой и Леоном, тут же встали и ушли в уже знакомую Гвинет гостиную.

– Дядюшка Эдмон, – протянула Генриетта. – А он симпатичный. Спас тебя, да? Умеешь ты находить нужное время и место... кухня! – в последнем слове прозвучала откровенная злость.

– Завидуешь?

– Было бы чему! У нашей дуры ни лица, ни фигуры!

– Как ты точно себя описала!

– Себя? В зеркало посмотришь, если уже речь не понимаешь!

– Зачем? Это ты явно давно не гляделась.

– Тихо! – вспылал Вильям, вставая между девочками. – Вам разве неинтересно, что там происходит?

– Дядя Мэрик наверняка защиту поставил, – презрительно сказала Генриетта. – Ты даже этого понять не можешь, братик?

– Может, он забыл...

Но Генриетта оказалась права. На двери и стенах оказалась поставлена мощная защита – Гвинет видела её как тонкую зеленоватую плёнку. И подслушать или подглядеть что-либо не удалось. Пришлось приступить к обеду, магическим образом возникшему на столиках гостиной.

Прошёл где-то час, когда Гвинет заметила исчезновение плёнки – защиты. Она вскочила, желая сообщить об этом остальным, но в гостиную уже входила тётя Гвендолен.

– Ваш отец и дядя совершил преступление против Семьи, – холодно сказала она. – За это он выслан из дома. Анна, как его супруга и сообщница, понесёт такое же наказание. Джейсон, Габриэла. Опекунство над вами будет передано мне и Мэрику.

– Выслан из дома? – не поверила своим ушам Гвинет. – И это все? Он пытался убить меня и Эд... дядю Эдмона!

– Дура, – сообщила Генриетта мирозданию. Джейсон молчал, кусая губы. Габриэла зарыдала. Тётя Гвендолен вышла из комнаты.

– Почему сразу – «дура»? – обиделась Гвинет. – Я многого не знаю!

– Вот именно, – снизошёл до объяснений Вильям. – Только не «многого», а ничего. Ты ничего не знаешь. Наш дом... он не просто дом. И за его пределами нам жить нельзя. Если дядю не примет дальняя родня, ему придётся жить среди обычных людей. Он потеряет свою магию, а это – часть души и разума.

– В общем, он станет полоумным, – «пояснила» Генриетта.

– Но это... жестоко!

– Ты уж реши, жестоко мы поступаем или «это все»? – съязвила Генриетта.

– Я же не знала... Их надо переубедить...

– Бесплезно, – в комнату вошел Эдмон. – Решения магического суда не подлежат отмене, Гвинет. И он знал это, когда запечатывал меня и многих, очень многих людей, чем-то помешавших ему. Кстати, их нужно освободить. Мы с Мэриком сейчас займёмся этим.

– А что насчёт детей? – спросила Гвинет. – По мне, лучше им жить с родителями. Джейсон?

– Что? – хмуро спросил Джейсон.

– Ты бы предпочёл остаться здесь или уйти с родителями? – Гвинет была почти уверена в ответе. Хотя... сбежала же она из дома к тётушкам...

– Я люблю отца, – дерзко заявил мальчик. – А магии у меня все равно почти нет. Только вот Габриэла... У неё есть способности. Крохотные, но...

– Значит, я найду вашим родителям место у родни, – сказал Эдмон. – И обещаю, я сделаю все, чтобы вы жили с ними, а не с Мэриком и Гвендолен.

– Не получится, – горько сказал Джейсон. – Они отобрали Генриетту, Вильяма и Леона у Жана. Отберут и нас. Мы же – Семья!

– Жан – это?

– Их отец. Муж тёти Греты. После её смерти их троих, – Джейсон мотнул головой в сторону кузенов, – забрали в Семью. И Гвинет тоже у отца отобрали. Семья – превыше всего!

– Не тогда, когда она превращается в чудовище, – ответил Эдмон. – Я что-нибудь придумаю, Джейсон. А вы хотите вернуться к отцу?

Этот вопрос был задан уже Генриетте, Вильяму и даже малышу Леону.

– Нет, – выпалила Генриетта.

– Да, – одновременно выкрикнул Вильям.

– Папа? – глаза Леона наполнились слезами. – Хочу к папе!

– А ты, Гвинет?

– Пока не знаю, – честно ответила она. – Здесь... интересно.

– И опасно.

– Дай мне время... дядюшка.

– Хорошо, – он кивнул и ушёл. Следом за ним разошлись и остальные. Леона забрала няня. А Гвинет ещё долго стояла у окна, глядя на залитый солнцем сад внизу.

– Сесили! – верная горничная уже ждала её у двери. – Я хочу в сад. Как мне туда попасть?

– Я провожу вас.

– Ты свободна. Просто объясни мне, как туда пройти, – Гвинет нуждалась в одиночестве.

Видимо, Сесили поняла это, потому что, быстро протараторив инструкции, немедленно исчезла. Гвинет не успела запомнить её слова, но решила справиться сама. Как там говорил Эдмон?

Осторожно применяя правила, рассказанные юным дядюшкой, – не воспринимался он ею как дядя, видимо из-за своей сохранившейся молодости, – Гвинет стала изучать дом и довольно скоро вышла в комнату с огромными стеклянными дверьми. Они выводили в сад.

Погуляв какое-то время и пригревшись на солнышке, Гвинет села на скамейку и закрыла глаза. Она сидела так довольно долго, пока её не накрыла тень.

Лениво приоткрыв один глаз, девочка опознала Эдмона и подвинулась немного, давая ему возможность сесть. Говорить ей не хотелось. Ему, похоже, тоже.

Шло время. Стояла прозрачная тишина, сотканная из тихих звуков сада. Ветер, переликивание птиц, гудение шмелей...

Внезапно Эдмон нарушил эту сказочную тишину.

– Я и представить себе не мог, что моё возвращение вызовет столько неприязни. Я не прошу их радоваться, но и на столь откровенную ненависть тоже не рассчитывал! – в голосе его звучало отчаяние.

Но Гвинет не собиралась ему сочувствовать.

– Ты же знал, чем закончится суд! – обрушилась она на него. – Неужели никак нельзя было обойтись без него? Нашли бы какой-то способ наказать Свентона не столь болезненно.

– Такого способа нет, – резко отрубил Эдмон. – И ты не видела, как много людей освободили мы с Мэриком. Их около сотни. Сотня людей оказалась превращена в часовые фигурки лишь потому, что чем-то не угодила Свентону!

– Но все же, этот суд...

– Такова Семья, Гвинет. Здесь выживает сильнейший. Слабые – умирают. А я хочу жить. Это неправильно?

– Правильно, но так жестоко! Какая же вы после этого семья?

– Сильная и уважаемая, – горько хмыкнул Эдмон.

– Но ненастоящая, – с уверенностью сказала Гвинет. – Настоящая – где все друг за друга.

– Свентон, убирая тебя, всего лишь заботился о будущем дочери. Значит, его маленькая семья – настоящая? Ведь она оказалась важнее твоей жизни. Если же верить тебе, то ради семьи можно пойти и на преступление.

– Не думаю, – покачала головой Гвинет. – Семья – те, кого защищаешь, оставаясь ради них человеком, а не убийцей.

Это были не совсем её слова – так говорила Кэтрин. Кэт была любительницей подобных моральных кодексов, не считаясь с их невыполнимостью. Но сейчас почему – то Гвинет поддерживала и понимала сестру. Пусть и не родную, но такую... правильную.

– Сколько тебе лет? – неожиданно спросил Эдмон.

– Пятнадцать... будет. Через полтора месяца. Это важно?

– Сколько лет ты здесь?

– Второй день, – невольно засмеялась Гвинет. – Тётки ругались, что меня хорошо спрятали, так что забрали меня лишь вчера. Послушай, Эдмон... Говорили, будто живя среди людей, магию теряешь. Как же я смогла вчера ею воспользоваться?

– Поэтому я и спросил тебя о возрасте. Если бы тебя не нашли до того, как тебе исполнится пятнадцать, то твои способности как бы «уснули». И «проспали» бы до тех пор, пока кто-то из твоих потомков не оказался в одном из Домов.

– А снова «усыпить» их не получится? Я не уверена, что хочу здесь оставаться.

– Если ты в день рождения окажешься не у источника, то есть, вне дома, то получится.

– Значит, у меня есть время, – повеселела Гвинет.

– Время для чего?

– Понимаешь... Здесь интересно. Привидения водятся, дома странные... Эдмон, ты не понимаешь. Это же приключение! Маленькое, безопасное приключение!

– Ничего себе – «безопасное»!

– Но дядя Свентон больше не опасен.

– Не стоит недооценивать остальных.

– Эдмон, это называется «паранойя».

– Гвинет, это называется «осторожность».

– Эдмон, вот ты где, – на тропинке появилась тётя Гиацинта. – Я искала тебя. Хотела поговорить.

– К вашим услугам, кухня. Гвинет, я вас покину.

Эдмон встал и подошёл к тёте Гиацинте. Предложил ей руку, и они скрылись из виду за кустами. Гвинет ещё немного посидела на скамейке, но добродушное настроение ушло, и она тоже решила вернуться в дом. Интересно, что задумала тётя Гиацинта... Но подслушивать Гвинет не станет! Ни за что не станет. Хотя бы потому, что маг Эдмон может легко её обнаружить.

Как легко она поверила в магию! Впрочем, после сегодняшнего утра трудно в неё не поверить. Либо она признает существование магии, либо придётся решить: она сошла с ума.

Гвинет вошла в дом и побрела искать свою комнату. Или кого-нибудь, кто подскажет, где её комната. Думать совсем не хотелось.

Вечер прошёл напряжённо. До ужина Гвинет провалялась в своей комнате, глядя в потолок, за едой все молчали, лишь изредка обмениваясь необходимыми репликами – просьбами, а после все разошлись по комнатам. Гвинет хотела пристроиться к Эдмону, поговорить с ним, но он ушёл очень быстро. Пришлось вернуться в комнату.

Стало скучно. Ни телевизора, ни компьютера, ни даже захудалой книжки.

Книжка. Поискать, что ли, библиотеку. Заодно поллучше познакомиться с домом – Гвинет уже стала в нем ориентироваться, но пока ещё не чувствовала себя уверенно.

Надев джинсы и футболку – платье ей надоело, – Гвинет отправилась на поиски библиотеки.

Поиски увенчались успехом. А ещё, обложившись книгами, за одним из столов сидел Эдмон.

– Эдмон? – окликнула Гвинет.

– Гвинет, – отозвался он, оторвавшись от чтения и принявшись тереть глаза. – Как вы думаете, Свентон мог продавать или дарить часы с пленниками?

– Не думаю. Слишком опасно – вдруг людей чудом освободят?

– Вот и я так думаю. Свентон не настолько глуп. Скорее всего, мы освободили всех, кто пострадал от его рук.

– А кто-то сомневается?

– Гиацинта, – признался Эдмон. – Её муж исчез – говорят, бросил её, – десять лет назад, но, узнав о пленниках часов, она обрела надежду. Похоже, она все ещё любит его и мечтает простить.

– Тётя Гиацинта была замужем? – искренне поразилась Гвинет. – По – моему, она только придаток тёти Гвендолен, а не личность!

– Это обманчивое впечатление. В молодости она была красавица, да и умом не обделена. Не знаю, что сделала с ней Гвендолен и почему Гиацинта так изменилась.

– И чем эти книжки помогут тебе найти мужа тёти Гиацинты?

– Это хроники Дома. Как раз десятилетней давности. Пытаюсь понять, что тогда случилось необычного. Но, похоже, бедолага Дункан просто сбежал, не вынеся гнёта семейки. Хотя он из Семьи, не слишком отличающейся по традициям от нашей, должен бы привыкнуть.

– Ясно, – вздохнула Гвинет. – А тётя Гиацинта правда была красивой?

– Показать её портрет?

– Про фотки слышали?

– Техника не работает там, где бьют магические источники. Здесь нет электричества, освещение работает от магии источника. Так показывать портрет?

Похоже, Эдмон только и мечтал сменить занятие, так что Гвинет кивнула. Да и любопытство никуда не делось. Как же выглядела в молодости невзрачная белобрысая тётка Гиацинта? Такая же серая мышь или все же красotka?

На портрете тётя оказалась яркой блондинкой с сияющими глазами цвета морской волны. Маленькая и хрупкая, но при этом стройная и пропорциональная, она казалась дорогой фарфоровой куколкой, в которую мастер вложил всю душу. Узнать в этой яркой женщине ту, что теперь ходила следом за старшей сестрой и боялась говорить без её разрешения, было практически невозможно.

– С ума сойти, – только и выговорила Гвинет, разглядывая портрет. – А тётя Гвендолен?

Та тоже оказалась очень красивой в молодости женщиной. Но даже тогда на её правильном лице проглядывало выражение вечно недовольства, уже хорошо знакомое Гвинет.

– А какой из этих портретов – мужа тёти Гиацинты? – Гвинет разбирало любопытство. И это при том, что она терпеть не могла разглядывать старые семейные фотографии отца.

– Сейчас посмотрим... Да вот он! – Эдмон показал рукой на изображение привлекательного темноволосого мужчины лет тридцати пяти.

– Симпатичный, – признала Гвинет, разглядывая портрет. – Они, наверное, были красивой парой. Почему же он сбежал? Жаль, портреты не говорят...

Девочка коснулась рукой холста. Ладонь пронзила острая боль.

Гвинет отдернула руку.

– Да что же у вас все вещи такие травматичные! – возмутилась девочка, зализывая очередную ранку.

– Травматичные? Странно у тебя проявляется твоя сила, Гвинет, – Эдмон, похоже так и не мог определиться, на «ты» он с Гвинет, или на «вы» то и дело сбиваясь, – но это явно её признаки! Значит, на портрет наложены чары, и сильные. Но кому понадобилось зачаровывать холст и краски?

– Мне-то откуда знать?

– И вы не хотите узнать? – снова вспомнил о вежливом обращении он.

– Снова резать руку???

– Боюсь, что да, – Эдмон достал из кармашка на поясе небольшой ножик – шпагу он на этой раз не взял.

– Эдмон, не глупи!

– Я не желаю, чтобы в моем доме творились непонятные мне вещи, – глаза юноши сверкнули сталью.

– А вот меня это не касается! – Гвинет демонстративно отвернулась и сделала шаг вперед, надеясь на здравомыслие Эдмона. Но раздавшееся сзади злое шипение заставило её обернуться.

Юноша, уже успевший порезать руку, касался ею портрета, а из холста, шипя, высывались головы змей.

Гвинет ахнула и бросилась на помощь.

– Назад! – крикнул Эдмон. – Ты безоружна!

Змеи высывались все дальше, пара из них уже обвивала юношу... и затягивала его в портрет.

Гвинет растерялась. Безоружна. Что же ей делать? Звать на помощь? Да родственнички только рады будут избавиться от Эдмона!

Юноша почти исчез в портрете, когда Гвинет услышала странный голос в своей голове:

– Ты готова принять меня?

– Если это спасёт Эдмона, то да! Быстрее!

– Закрой глаза. И ничего не бойся.

Гвинет повиновалась. Она понимала: происходит нечто странное, но человеку рядом с ней грозила смертельная опасность, и времени на раздумья не оставалось.

Словно дуновение ветра прошло по коже девочки. На миг стало зябко, но тут же холод сменился теплом. И в голове Гвинет появилось *знание*.

Подняв правую руку, Гвинет произнесла звучащие в голове слова, и змеи осыпались мазками краски. Эдмон со стоном вывалился из портрета. Но Гвинет знала: часть змей ещё там, прячется внутри, и потому подошла к портрету ближе. Рука девочки светилась, и этот свет разрушал картину. Новые и новые змеи рассыпались сухой краской, и вот уже портрет – не портрет, а пустая рама, в которой сидит усталый скорчившийся человек. Его сходство с прежним изображением не оставляло сомнений – это и есть пропавший Дункан.

– Невероятно, – выдохнул Эдмон. – Кто из нашей семьи мог такое сделать?

Человек поднял голову.

– Мы настоящие, – торопливо сказала Гвинет. – Не галлюцинации. Мы вас освободили.

– Благодарю, – тихо сказал Дункан и попытался неловко вылезти из рамы. Эдмон бросился помогать.

– Кто это сделал? – Эдмона интересовало только это.

– Гвендолен, – горько усмехнулся Дункан. – Я мешал ей контролировать жизнь сестры. Хотя, возможно, она просто завидовала нашему с Гиацинтой счастью... Не знаю я её причин, знаю лишь, что однажды Гвен потребовала от меня уйти, исчезнуть из жизни Гиацинты. Я не согласился, и тут появились змеи. А потом я ничего не помню – только боль, одиночество, страх... И вот появились вы.

– Но Гвендолен практически не владеет магией! – воскликнул Эдмон. – Неужели она решила на *договор*?

– Ты о чем? – Гвинет его не понимала. Слишком мало она знала.

– Неважно, – отмахнулся Эдмон. – Кстати... А как тебе удалось спасти нас?

Пришлось рассказать.

– Источник сам пришёл тебе на помощь, – со смесью опаски и восхищения воскликнул Эдмон, выслушав рассказ. – Такое случилось, но лишь с очень достойными людьми.

– А я, по-твоему, недостойная? – обиделась Гвинет.

– Нашла время обижаться. Теперь у нас есть, что противопоставить *договору* дорогой кухни. Идём!

– Но стоит ли? Гиацинта, должно быть, давно забыла обо мне, – вздохнул Дункан. – Столько лет... ни весточки...

– Она по – прежнему верит в вас, – уверенно сказала Гвинет, забыв о своей обиде. – Мы это точно знаем. И тётя Гвендолен заслуживает наказания! Ой. А может, все – таки стоит её пожалеть? Не надо её судить, Эдмон!

– Посмотрим по её поведению, – сухо ответил юноша.

Обе тётки оказались в малой гостиной. Появление Дункана вызвало у них совершенно разные эмоции: тётя Гиацинта радостно вскрикнула и бросилась к мужу, а тётя Гвендолен...

Откуда у неё в руках берётся этот дурацкий зонт? – недоумевала Гвинет, наблюдая, как зонт-трость медленно опускается на пол. Но вот он коснулся пола, раздался гулкий звон, и все замерли, не в силах пошевелиться.

– Что за отвратительная манера – вечно лезть не в свои дела, – сквозь зубы процедила тётя Гвендолен. – За это вас стоит наказать. Обоих.

С обоев поползли змеи. Разноцветные, но от того не менее опасные и пугающие.

– Что ты делаешь? – испуганно воскликнула тётя Гиацинта, пытаясь сдвинуться с места.

– Я сделала для тебя все. Я избавила тебя от этого типа, разрушавшего твою жизнь. А ты строила за моей спиной заговоры по его возвращению? За это тебя тоже необходимо наказать. А его я просто убью.

– Нет, сестра!

– Твоя жалкая «любовь» поставила под угрозу нашу семью, – Гвендолен словно не слышала Гиацинту. Змей становилось все больше и больше. – А эти двое... Жаль, но похоже, дочь Гермiony пошла в свою мать!

– И рада этому! – выкрикнула Гвинет. Кажется, невидимые пути ослабели... или она принимает желаемое за действительное?

– Предавшие семью должны быть уничтожены!

И змеи ринулись на них.

Гвинет закрыла глаза. Магия источника не просыпалась, а другого способа борьбы она не знала. Значит, её жизнь сейчас закончится. А жаль. Теперь она немного по – другому общалась бы с Кэтрин. Занудной, но честной, не скрывающей своих симпатий и антипатий.

– Ай – яй – яй, племянница, – проговорил чей – то голос. Гвинет невольно открыла глаза. Но голос обращался не к ней: посреди комнаты парило привидение дедушки Альберта. Гвендолен ошеломлённо тарасилась на него. – Разве так обращаются с родственниками?

– Они – предатели!

– А по – моему, наоборот. Семью защищают, не лишая близких их счастья, как ты поступила с Гиацинтой. Именно твои «благие намерения» привели к этой ситуации.

Невидимые пути окончательно спали. И Гвинет доверилась пришедшему с их исчезновением «знанию». Главный источник силы тётки – её зонт-трость, под который она так ловко замаскировала магический посох.

Огненная стрела сорвалась с рук девочки и ударила в зонт. Тот вспыхнул и осыпался пеплом. Змеи исчезли. Тётя Гвендолен завизжала и потеряла сознание.

– Неплохо сделано, Гвинет, – одобрил дедушка. – Кажется, я больше здесь не нужен.

И исчез. Растаял, словно туман в солнечный день.

Гиацинта, рыдая, бросилась в объятия обрётённого мужа. Эдмон и Гвинет, смутившись, решили оставить их вдвоём, но тут в комнату ворвался дядя Мэрик.

Пришлось объясняться. Теперь, лишённая своего посоха, тётя Гвендолен стала неопасна, но её все равно решили отправить к обычным людям.

– Я за ней присмотрю, – неожиданно даже для себя сказала Гвинет. – Я решила – вернусь домой, к отцу. Ваша жизнь мне не подходит. И предлагаю тёте Гвендолен поселиться с нами. Она же, все – таки, моя тётя.

Переубеждать Гвинет не стали.

Только Эдмон подошёл к ней, когда уже собравшая чемодан девочка стояла в холле с тринадцатью дверьми и ждала запаздывающую тётю.

– Гвинет. Я понимаю, тебе жаль Гвендолен. Но она заслужила своё наказание. Может быть, не стоит так уж жалеть её?

– Не будь эгоистом, – твердо сказала девочка. – И я – не вы. Я не брошу своего родственника в беде.

– Как хочешь, – пожал плечами юноша. – Теперь последнее. Отныне ты связана с Источником, а значит, владеешь магией. Тебе предстоит многому научиться. Ты спасла меня, так что отдаю долг: ты должна периодически заглядывать в дом и обучаться своей силе. Но на поблажки от меня больше не рассчитывай.

– Не буду. А заглядывать стану, – твердо сказала Гвинет. – Я теперь буду за вами присматривать. И буду вас навещать. Мне ещё столько нужно узнать – например, где будут жить дети дяди Свентона, удастся ли вернуть Генриетту, Вильяма и Леона отцу...

– Наверное, удастся, – пожал плечами Эдмон. – Без инициативы Гвендолен с её одержимостью семьёй, все будет проще. И почему ты так о них беспокоишься, не понимаю.

– Потому что ты глупый, – вздохнула Гвинет. – Только, знаешь, ты тоже меня навещай. Иногда. Поможешь, если что, бороться с тётей.

Эдмон засмеялся и пообещал.

В конце коридора появилась осунувшаяся и постаревшая тётка Гвендолен. Альфред катил следом за ней огромный чемодан. Повинуясь приказу Эдмона, дверь распахнулась...

И Гвинет, перешагнув порог, оказалась дома.

Глава 2

Магическое наследство

Быстрое возвращение Гвинет стало неожиданностью для домашних, и впервые за долгое время девочка увидела слёзы в глазах бросившегося обнимать её отца. Даже Люсинда крепко обняла Гвинет – а ведь та думала, что мачеха только обрадуется её переезду. И радостная улыбка на лице Кэтрин... сменившаяся удивлением, когда за сводной сестрой появились сначала чемодан, а затем тётя Гвендолен.

Отец и Люсинда не слишком – то обрадовались новой родственнице в лице тётушки. Гвинет явно видела, что они с трудом скрывают недовольство: отец – из-за нелюбви к родственнице, а Люсинда – потому что ей придётся заботиться ещё об одном человеке, притом явно со скверным характером. Но Кэтрин, повздыхав, прочитала им лекцию о добре, всепрощении и помощи ближнему, на что получила одобрительное рукопожатие Гвинет. Кажется, теперь, объединённые общей целью заботы о тётке, девочки должны были поладить.

Родители повздыхали и смирились. Переспорить Кэт мало кому удавалось.

Гвинет поднялась в свою комнату. Как же здесь было уютно!

Воровато оглянувшись, девочка достала из чемодана фарфоровую куклу – ту, о которой Эдмон сказал, что она была любимицей маленькой Гермियोны. Разрешение взять куклу было получено, но вряд ли бы тётя Гвендолен его одобрила.

Поставив куклу на комод, Гвинет спустилась к ужину, затем умылась и легла спать. И пусть впереди ещё целое лето, с каждым днём приближается девятый класс.

Интересно, насколько ей удастся ужиться с тёткой, учитывая непримиримый, гордый и властный характер той. Конечно, сейчас тётя Гвендолен сломлена своим поражением и изгнанием, но это ненадолго. Ещё придётся наплакаться и не раз пожалеть о своём решении, но обречь сестру мамы на жестокую медленную гибель, даже не столько тела, сколько души? Да Гвинет себя после такого за человека считать перестанет! Она и так уже разрушила жизнь дяди Свентона...

Секундочку! – остановила забежавшие куда – то не туда мысли Гвинет. Вот не стоит брать на себя вину за чужие поступки! Дядя сам сделал всё, чтобы эту свою жизнь разрушить, Гвинет стала только решающей деталью в руках судьбы. Никто ведь не заставлял его заколдовывать людей, это было его и только его решение. И он шёл по чужим жизням, не жалея их. Тётя, конечно, ничем не лучше... так распорядиться судьбой сестры! Но тётю ещё можно спасти – Эдмон упоминал, что под воздействием *договора* в людях проявляются худшие их черты, а теперь, когда *договор* разорван, тётю Гвендолен можно вернуть в норму, ну, насколько это доступно для её изломанного сознания.

Шли дни. Каждую субботу Гвинет отправлялась в Дом, где под руководством Эдмона и госпожи Дары – нанятой юным дядюшкой учительницы, дальней родни одного из магических семейств, хорошо разбирающейся в теории магии – старательно изучала эту теорию, её законы и правила.

К облегчению девочки, тётя Гвендолен почти не выходила из отведённой ей комнаты, стараясь проводить там практически всё время. А за общими семейными трапезами тётя предпочитала молчать и не поднимать взгляда от тарелки. Как ни странно, со временем женщина нашла общий язык с Кэтрин: они стали часами разговаривать о чём – то. После таких бесед Кэт выглядела выжатым лимоном, но довольной. А тётя постепенно стала походить на человека, а не на сломанную куклу. И стала то и дело ходить в церковь.

День рождения прошёл спокойно и привычно. Так как Гвинет уже была связана с Источником, обряда слияния ей проходить не пришлось, и потому она осталась дома, отпраздновав с родными и посидев в кафе с подружками.

Оставшиеся дни августа пролетели незаметно. Пришла осень, с нею – учёба. Тётя Гвендолен даже снизошла до подарка на первый учебный день: красивого блокнота с ручкой, меняющей цвет чернил по желанию владельца.

День оказался точно таким же, как и во все предыдущие годы. Линейка, поздравления, уроки. Да и дальнейшие дни были похожи один на другой. Кроме Эдмона, с членами семьи Вальденс Гвинет не пересекалась, а на все вопросы получала один обтекаемый ответ, что идут разбирательства. Что можно разбирать уже почти два месяца, девочка не очень понимала, но большим не интересовалась из-за сильно возросшей учебной нагрузки.

Заканчивался октябрь. Уже устоявшаяся жизнь не предвещала никаких неожиданностей. Источник себя не проявлял. Среди множества толстых книг именно заклинаниям оказалось посвящено не больше пяти-шести, остальное составляли всякие правила, законы, инструкции. Да и те немногие заклинания, которые она всё же выучила, редко давались девушке.

Гвинет немного заскучала: магия оказалась нудным делом, вроде всё той же алгебры, – и её приходилось учить, учить и снова учить. Девушка начинала подумывать, не отказаться ли от магической учёбы. Всё равно в реальной жизни от неё не было совершенно никакого проку. Мир магии и мир реальности пересекались только в двенадцати Домах, где располагались магические источники, и за пределами стен этих домов новые знания девочки были не просто бесполезны, а откровенно вредны. Ведь то и дело Гвинет пыталась применить что-нибудь «эдакое», а в результате получала в лучшем случае – потерянное время.

Словом, возникшему на столе письму она не удивилась, но и не обрадовалась. У неё были совсем другие планы на это воскресенье, редкий свободный день среди вечно занятых будней и праздников. Но письмо сияло зелёным и начинало угрожающе потрескивать. Гвинет знала: если его вовремя не открыть оно устроит такую световую и шумовую бурю, что сигнализация покажется детской игрушкой... правда, игрушки бывают весьма шумные...

Пришлось взять конверт, вскрыть его и прочесть содержимое. После чего Гвинет задумалась. Проще всего было поверить, что это шутка, но маги отличались практически полным отсутствием чувства юмора. Пришлось пойти и постучать к тётке Гвендолен.

– Здравствуйте, – сказала девочка, когда тётка открыла и, недовольно поджав губы, пригласила Гвинет пройти в комнату. – Тётя, это шутка?

Тётя Гвендолен взяла протянутое ей письмо. Прочитала его. На лице женщины на миг отразилось удивление, но она тут же взяла себя в руки.

– Это не шутка. Как ты можешь судить по имени, Глория Антерс действительно наша дальняя родня. Но она давно вошла в семью Антерсов и была вычеркнута из семейного древа. Почему она решила вспомнить о Вальденсах? – недоумённый жест. – Видимо, что-то случилось. И да, отказаться от права наследства ты не можешь. Если твоё имя внесено в списки претендентов на наследство, ты можешь только проиграть.

– Проиграть, – повторила Гвинет. – Звучит несложно, мне ведь не нужно это странное наследство. И откуда эта дама вообще обо мне узнала? Опять магия?

Тётя Гвендолен сочла выше своего достоинства отвечать на вопросы про очевидные вещи.

– Будь осторожна, – только и сказала она. – Обычно испытания на наследство... непростые. И не вздумай проиграть в первый же день!

– Почему? – Гвинет собиралась именно так и поступить.

– Ты – самая вероятная наследница силы моей матери, Грейс. Если ты сейчас покажешь свою слабость, подведёшь Семью.

– Бабуля Грейс проживёт ещё лет сто, – проворчала Гвинет.

– Но если ты, самая возможная наследница, окажешься слабой – покажешь всем, что слаба Семья, – снизошла до пояснения тётя Гвендолен. – Ты не можешь этого допустить.

– Могу, – проворчала Гвинет. – Но ладно, не стану. Постараюсь продержаться подольше и выбыть предпоследней. Интересно, кроме меня претендентов ещё много?

– Не знаю, – ответила тётя Гвендолен и выставила Гвинет за дверь. Пожав плечами, девочка отправилась к себе: нужно собрать вещи. Ведь, как следовало из письма, следующую неделю ей предстоит провести в доме госпожи Глории Антерс вместе с ещё несколькими претендентами на её наследство. Словно Гвинет мало будущего наследства бабули, пусть живёт она долго-долго!

Отец не слишком обрадовался известию, что Гвинет пропустит неделю обучения ради поездки к родственникам настолько дальним, что их давно следовало считать посторонними людьми. То, что это была родня со стороны Гермiony и, значит, родня *странная*, не добавляло ему радости и спокойствия. Он боялся, что Гвинет не сможет вернуться или, что его пугало гораздо больше, вернётся чужим для него человеком. Тётя Гвендолен пришлось потратить несколько часов на то, чтобы убедить Майкла Линнета: отказ от поездки грозит его дочери слишком серьёзными негативными последствиями даже в обыденном мире, что уж говорить о его магической составляющей.

И вот Гвинет с переживающим семейством стоит у порога, сжимая в ладонях ручки сумки, и ждёт машину, которая должна отвезти её в неизвестность. Ведь по дороге автомобилю предстоит пересечь несколько пространственно-временных разрывов – порталов – и, в отличие от отца, Гвинет это прекрасно известно.

– Ничего, – подбодрила сама себя вслух девочка, – через пару дней меня вернут обратно, и ничего со мной не случится. Ну что может произойти, если я просто откажусь проходить эти испытания? Точнее, если стану проходить их не в полную силу.

У дома остановилась машина – ярко-жёлтое такси с номером, о котором Гвинет была предупреждена. Быстро чмокнув отца в щёку, девочка помахала Люсинде и Кэтрин, и, не дожидаясь, пока ей откроют багажник, залезла на заднее сиденье, прижимая к себе сумку, словно единственную связь с родным домом.

Автомобиль тронулся. Гвинет попыталась завязать с таксистом разговор, но мужчина молчал и не отводил взгляда от дороги. Гвинет не добилась от него ни словечка, и скоро бросила бесплодные попытки разговаривать молчуна. В машине даже радио не играло! Пришлось включить музыку в телефоне, с тоской думая о том, что первый же портал отключит технику до момента возвращения Гвинет в нормальную реальность.

Перемещение порталом в иную реальность произошло довольно быстро, примерно через час. Девочка попыталась посмотреть в окно, но за стеклом виднелась лишь густая серая хмарь. Лишь изредка она сменялась чем-то вроде пейзажей со странными домами, часто похожими на замки, и мелькали они очень быстро, снова уступая место серому ничто.

Но вот машина выехала на просёлочную дорогу. С одной стороны раскинулось поле кукурузы – это в конце октября-то! – с другой простиралась бескрайняя гладь лаванды.

Впереди показалось продолговатое бледно-жёлтое здание. Два этажа, мансарда под острой крышей, высокая труба и крупный флюгер в виде дракона. Деревья, в беспорядке разбросанные по пространству перед домом и по сторонам, и никакого забора. Даже живой изгороди не было. Зато по обеим сторонам от крыльца расположились ухоженные клумбы.

Подъезжая, Гвинет увидела слева ещё один почти такой же дом, только с угловой башенкой и зелёного цвета. Но её внимание тут же вернулось к крыльцу жёлтого дома: около него стояло трое людей.

Вот таксист остановил автомобиль, не съезжая с дороги на ведущую к крыльцу тропку, выложенную красной плиткой. Гвинет вылезла из машины, которая тут же уехала, и с неудовольствием отметила, что двоих присутствующих отлично знает. Это Габриэла и Джейсон, дети

дяди Свентона. Вряд ли они простили ей разоблачение их отца, и неважно, что он сам был виноват, а Гвинет оказалась его жертвой, которой просто немного повезло.

Зато незнакомый ей парень был очень красив, это стало первым, что Гвинет отметила в его внешности. Светлые длинные волосы, увязанные в хвост, чёткие черты лица, прекрасная даже в глупом старомодном фраке фигура.

– Здравствуйтесь, – вежливо сказала Гвинет, не зная, как ей себя вести и потому лишь сильнее прижимая к себе сумку, словно ту у неё собирались немедленно отобрать. – Габриэла, Джейсон... Вы тоже здесь?

– Да, – кивнул Джейсон. – Привет, Гвинет. И я не виню тебя за папу. Но и любви у меня к тебе особой тоже нет, уж прости. Остановимся на чём-то нейтральном, ладно, кухня?

– Хорошо, – на сердце у девочки стало немного легче. – Только я беспокоюсь – говорят, какие-то испытания, а Габриэле только десять, если не ошибаюсь.

– Я за ней присмотрю, – уверенно сказал Джейсон. – А пока позволь представить, – он махнул рукой в сторону красавца, – это Орсон Антерс, наш очень дальний родич. Орсон, перед тобой Гвинет... Кухня, а какая у тебя фамилия? Ты же вроде отказалась считаться Вальденс.

– Отказалась, – кивнула Гвинет. – Я Линнет. Гвинет Линнет.

Орсон взял её руку и со старомодным поклоном поцеловал кисть Гвинет. Девочка невольно дёрнулась, чудом не отбрав руку рывком. Чуть смутилась и кое-как сказала:

– Рада знакомству... но зачем такие условности? Мы же, кажется, родственники.

Вдали показалась машина, ещё одно жёлтое такси.

– Едут, едут! – звонко закричал кто-то. И из-за угла дома показалась худенькая светло-волосая круглолицая девочка лет двенадцати, в нарядном кремовом платье с оборками. Даже малышка Габриэла была одета не столь кукольно, предпочтя фиолетовое струящееся платье с золотистой вышивкой.

– Глория! – с ноткой укоризны произнёс Орсон и повернулся к Гвинет: – Прошу простить, моя младшая сестра несколько излишне эмоциональна. Надеюсь, что с возрастом она образумится.

– Ну что ты, детская непосредственность – это ведь так мило! – с ехидством пропела Габриэла. Гвинет покосилась на неё: для десятилетней девочки это прозвучало излишне грубо.

– Всё же брату стоило бы несколько больше внимания уделять твоему воспитанию, Габриэла, – укоризненно покачал головой Орсон.

Джейсон хотел что-то сказать, но не успел: подъехала машина. Остановилась, и из неё выскочил кузен Гвинет, Вильям. Гвинет внутренне содрогнулась, уже предполагая, кого сейчас увидит.

И не ошиблась. Правда, первым вышел шофёр, но он почтительно склонился перед правой задней дверью машины, открыв её, и изнутри грациозно выплыла Генриетта в простом, но явно ужасно дорогом бирюзовом платье.

– Доброе утро, – пропела девушка окружающим, и наморщила носик, увидев Гвинет. – О, и ты здесь? Впрочем, тетя Глория всегда отличалась странностями.

– Неудивительно услышать это, ведь она пригласила и тебя, – почему-то Генриетта ухитрялась немедленно выводить Гвинет из себя, лишая девочку спокойствия и вызывая лишь раздражение. Вот и сейчас Гвинет взвилась ракетой, желая наговорить кухне как можно больше гадостей.

– Перестаньте, пожалуйста! – почти взмолился Джейсон, принимая из рук шофёра ручку гигантского чемодана.

– Генриетта, – заговорил Орсон, неодобрительно глядя на родственницу, – подобные речи совершенно недопустимы для благородной дамы. Я могу понять Гвинет, она воспитывалась не в Семье, но слышать такое от тебя – несколько странно.

Гвинет стиснула зубы, чтобы не наговорить гадостей и красавчику. Она ведь не сказала ничего такого, Генриетта первая принялась её оскорблять, так почему...

– Ох, Орсон, перестаньте, – грациозно повела рукой Генриетта. – Ваше занудство иногда заставляет усомниться в вашем реальном возрасте.

– Брат не зануда, – насупилась Глория.

– Конечно, милая, – и Генриетта потрепала девочку по щеке. – Он сверхзануда, ты права.

– Я не говорила! – начала возмущённо говорить Глория, но тут часы пробили полдень. Пробили громко и весьма ощутимо: Гвинет словно пронзило током, заставив вздрогнуть. То же, судя по произвольным вздрагиваниям, случилось и с остальными.

Дверь дома отворилась, приглашая прибывших пройти внутрь.

– Кажется, это «добро пожаловать», – нервно усмехнулся Вильям, неосознанно теребя ляжки рюкзака.

– У нас пять минут на решение, помните? – сообщил Джейсон. – Не успеем войти, значит отказались от испытаний.

– Что особенного в том, чтобы просто войти в дом? – изумилась Гвинет. И, полная решимости, сделала шаг к крыльцу.

– Ничего, если не считать, что мы не сможем оттуда выйти, пока не будет избран наследник или наследница, – вздохнул Джейсон.

Остальные согласно кивнули. Похоже, всем было немного страшновато, пусть подростки и пытались не выдавать этого.

Гвинет тоже замерла, не решаясь поставить ногу на ступеньку крыльца. Но тут же одёрнула себя: она – не трусиха и никогда ею не станет. Остальные боятся? Ей же лучше, может, её признают наследницей автоматически, по причине отсутствия других претендентов, так что выйдет она из дома минут через десять. И вернётся домой пораньше.

Девочка отважно зашагала по ступенькам. Застыла на долю секунды перед проёмом двери, заглядывая внутрь: небольшой квадратный коридор со шкафом, полкой для обуви и большим зеркалом. Перед последним лежали несколько пар тапочек. Всё выглядело настолько обыденным, что страх исчез, и Гвинет переступила порог.

И ничего не случилось. Совсем ничего. Обнадёженные этим, в дверь зашли и остальные. Столпившись в сразу ставшем маленьком коридоре, теперь забитом подростками и вещами, они загалдели каждый о своём, и не сразу заметили, как дверь медленно закрылась, отрезая их от остального мира.

Стали исследовать дом, оставив вещи у входной двери. Держались толпой: не желая признаваться друг другу в слабости, потенциальные наследники всё же побаивались пока оставаться в одиночестве.

Внизу оказалось всего две комнаты, точнее, комната и кухня. Обе, и гостиная и кухня-столовая, были просто огромными. Под лестницей на второй этаж, расположенной в проходе между комнатами, спрятались ванная, больше похожая на бассейн, и две туалетные. Зато второй этаж представлял собой длинный коридор, в котором по правой стороне шли комнаты, а с левой, в промежутках между окнами, стояли полки, уставленные журналами и подшивками газет.

Принялись делить комнаты. К огромному огорчению Генриетты, те ничем не отличались друг от друга, даже цвет и рисунок обоев был идентичен. Что уж тут говорить об обстановке: плетёная кровать, шкаф, стол, два стула и этажерка с тремя ящиками внизу вместо комода. На стене, напротив окна, круглое зеркало, над кроватью – морской пейзаж. Гвинет специально сходила в соседнюю комнату, чтобы убедиться: этот пейзаж был одинаков во всех помещениях, хотя, казалось бы, зачем кому-то рисовать семь повторяющихся даже в деталях картин? Да, комнат было семь, как и «наследников». Восьмая дверь вела в ванное помещение: две душевые и две туалетные комнаты.

Лестница в мансарду была сломана: в ней имелось лишь три нижние ступеньки, остальные отсутствовали. Поэтому дом казался маленьким – насколько это возможно – и совершенно безопасным. Гвинет даже ощутила нечто вроде разочарования. Слишком обыкновенно выглядел этот дом, никаких тайн и загадочных уголков, как в Доме Вальденсов.

Наконец комнаты поделили. Гвинет досталась четвёртая от стены. Закрыв дверь, девочка задумалась, разложить ли вещи сразу, или спуститься вниз, выпить чаю. Чаю хотелось очень. Да и впускать из поля зрения соперников тоже казалось неблагоприятным. Конечно, Гвинет не нуждалась в наследстве почившей Глории – и кто только придумал назвать сестру Орсона этим же именем? – но и вылететь в первый же день из-за какой-нибудь глупой мелочи тоже не хотелось.

В двери обнаружился ключик. Заперев дверь, Гвинет спустилась вниз, застав на кухне Джейсона, уже готовящего тосты, и Габриэлу, тщательно заплетающую косички красивой тряпичной кукле. С грохотом спустился Вильям – наверное, он перескакивал через ступеньки, иначе объяснить шум его появления Гвинет не смогла.

В шкафах обнаружили продукты, посуда и сладости. Гвинет сделала чай и подогрела в микроволновке блинчики с джемом, Габриэла, отвлекшись от куклы, с помощью болтающего о каких-то пустяках Вильяма накрыла на стол. К приходу на кухню Орсона в компании сестры и Генриетты, остальные уже рассаживались за столом, обмениваясь нервными шутками.

Чаепитие прошло спокойно. Убирая со стола посуду, Гвинет и Джейсон услышали возмущённый голос Генриетты:

– Постойте, мы что, должны всё делать сами? А где же слуги?

– В доме никого, кроме нас, – напомнил Орсон. – Это условие испытания, Генриетта.

– Но мы же не умеем готовить! Не можем же мы питаться всухомятку, только полуфабрикатами!

– Извини, – в голосе Гвинет невольно проскочили ядовитые нотки. – Но ты можешь сидеть голодной.

Генриетта возмущённо дёрнула стул, и тот с грохотом проехал по разноцветной плитке пола. Но сказать что-либо красавица не успела: Вильям быстро схватил сестру за руку и успокаивающе произнёс:

– Ну что ты, Генри, не волнуйся так. Морщины появятся.

Гвинет против воли громко хмыкнула. Морщины. В пятнадцать-то лет! Неужели Генриетта не понимает, что старший брат над нею подшучивает?

Но та, похоже, приняла ироничную заботу брата за чистую монету. И Гвинет подумала, что не всё ладно в датском королевстве... точнее, в семье Генриетты и Вильяма. А ведь они родные брат и сестра, не кузены. Наверное, стоит присмотреться и к остальным. Возможно, удастся как-то вбить клинья в их личные взаимоотношения...

Гвинет резко тряхнула головой. Что с нею? Это не её мысли! Как можно желать рассорить родных или друзей? Это подло, и к тому же несвойственно даже такой неидеальной девчонке, как она. Да, за ней немало проступков, однако в том, чтобы нарочно – или даже случайно – поссорить кого-то она не замечена. Так с чего же сейчас ей больше всего на свете хочется рассорить Джейсона с Габриэлой, Вильяма с Генриеттой, а совершенно незнакомого и пока ни в чём не виноватого перед ней Орсона с Глорией?

– Вы ничего не чувствуете? – охрипшим от волнения голосом Гвинет прервала говорящих о чём-то ребят. – У меня словно кто-то чужой в голове завёлся...

– Скорее всего, это незначительное ментальное воздействие, – спокойно обернулся к ней Орсон. – Просто поставьте щит, как все мы, и неприятные ощущения исчезнут.

– Или ты даже такой мелочи не умеешь? – фальшиво удивилась Генриетта. – Мы-то ставим такие щиты даже не замечая этого, едва лишь появляются малейшие признаки воздей-

ствия. И ты ещё на что-то рассчитываешь? Я и раньше не переоценивала твои мозги, но сейчас окончательно разочарована!

– Рада за тебя, – огрызнулась Гвинет и продолжила с удвоенной энергией собирать посуду, с тоской думая уже одругом: без электричества надеяться на посудомоечную машину попросту нелепо, значит, посуду придётся мыть руками. И хорошо бы назначить дежурства, чтобы все поровну и по-честному работали по хозяйству, но ведь Генриетта ни за что не согласится, обязательно скажет, что её маникюр испортится...

– Предлагаю нам составить график, – сказал в этот момент Джейсон, сгружая очередную стопку тарелок в раковину, и Гвинет настороженно покосилась на кузена. Ментальные щиты никогда ей не давались, удалось ли ей сейчас поставить его – неизвестно, и на миг она заподозрила паренька в чтении её мыслей. Пришлось напомнить себе, что телепатия невозможна, даже маги способны лишь давить на чужой разум эмоциями, заставляя мозг испытуемого подстраиваться под эти эмоции и мыслить в желаемом для мага направлении.

Джейсон тем временем озвучил порядок готовки, мытья посуды и уборки по дому. Избавлена ото всех обязанностей оказалась одна лишь младшая из всех присутствующих Габриэла. Остальным шести были предложены занятия и примерное их расписание.

Как и ожидала Гвинет, Генриетта немедленно взвилась. Красавица не собиралась снисходить до столь низменных занятий. И потом, с чего это Габриэле сделано исключение? Вот пусть это исключение будет она, Генриетта, Габриэла вполне её заменит, и нечего бездельничать только потому, что та младшая. Однако, к облегчению Гвинет, – и Джейсона, он не смог скрыть радостного вздоха, – за график и Габриэлу заступился Орсон. Он был старшим из всех ребят, и то ли поэтому, то ли в силу его характера, ухитрился говорить так, что его слушались. Даже Гвинет захотелось вытянуться по струнке, когда он негромко выговаривал Генриетте, и броситься немедленно заниматься чем-то полезным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.